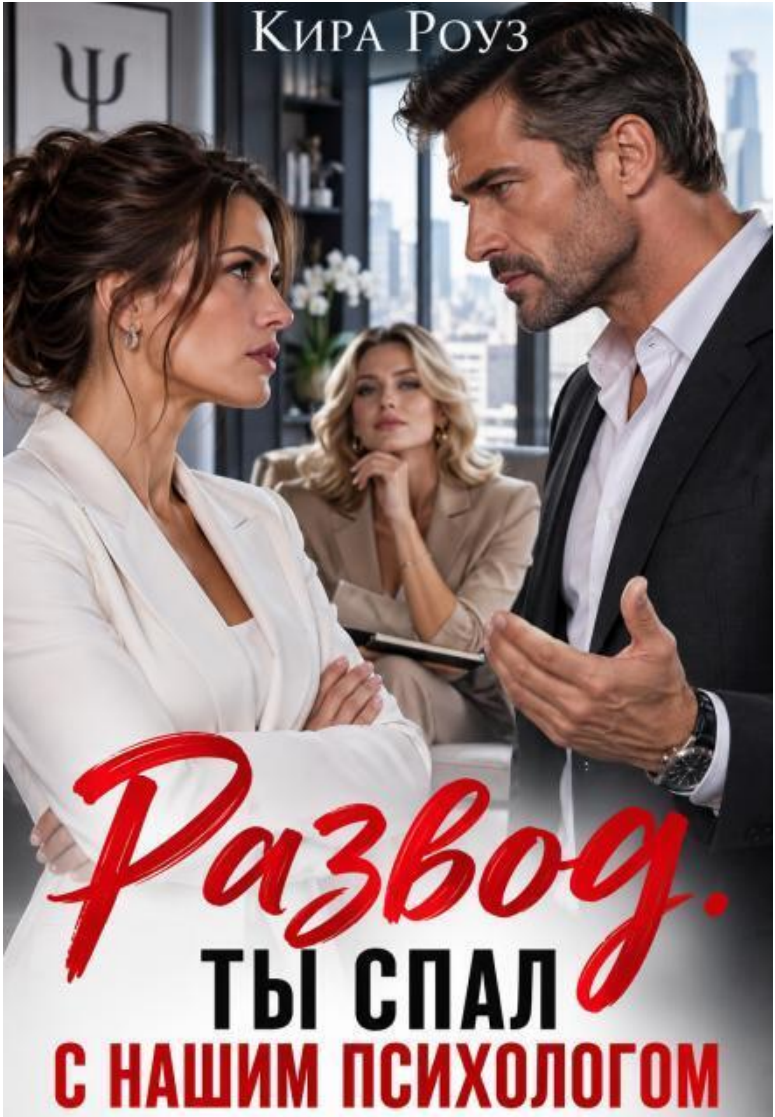

Кира Роуз
Развод.
Ты спал
с нашим психологом

Кира Роуз

Развод. Ты спал с нашим психологом

https://litres.ru/74741213

Аннотация

— Дарья, пожалуйста, не делайте поспешных выводов из того, что увидели, — выпаливает наш семейный психолог, поправляя блузку. Я упираюсь в дверной косяк, чувствуя, как мне становится дурно. Мой муж только что целовал её. В этом самом кабинете, где я восемь месяцев выворачивала душу, рассказывала про нашу постель и делала все, чтобы спасти наш брак! — Вы восемь месяцев объясняли мне, как сделать его счастливым! А сами с ним спали! — кричу я.

Двадцать один год замужем перечеркнут двойным предательством. Мой муж не просто завел любовницу, он привел меня к ней на терапию, чтобы та заставляла меня поверить что все дело во мне. А теперь, когда я узнала правду, он угрожает использовать мои же откровения психологу в суде, чтобы отобрать у меня сына и квартиру. Вот только они рано празднуют победу...

В тексте есть: #измена мужа и предательство #сложный развод #циничный муж-манипулятор #борьба за ребенка #сильная героиня #эмоции на грани

НОВИНКА! МУЖ ТАЙНО ПОВЕСИЛ НА МЕНЯ КРЕДИТ СВОЕЙ ЛЮБОВНИЦЫ. ОТОМЩУ!

Содержание

.Глава 1. Мы почти спасли наш брак 5
.Глава 2. Ты опять всё неправильно понимаешь 13
.Глава 3. Ты уже рассказал всем, какая я плохая? 20
.Глава 4. Мне нужны доказательства 27
.Глава 5. Они давно считают меня виноватой 34
.Глава 6. Она разговаривала с нашим сыном 41
.Глава 7. Они были знакомы раньше 48
.Глава 8. Выйдите из кабинета 55
.Глава 9. Ты ещё и дом у меня заберёшь? 62
.Глава 10. Почему ты видел моё письмо? 69
.Глава 11. Мама, я всё знал 76
.Глава 12. Ты ни в чём не виноват 84
.Глава 13. Константин тоже ошибся 92
.Глава 14. Я такого не подписывала 99
Глава 15. Четыре миллиона шестьсот тысяч 106
Глава 16. Ты правда здесь живёшь? 114
Глава 17. Первый поцелуй после двадцати одного года 121
Глава 18. Мама, это правда твой голос? 129
Глава 19. Мама, я хотела уехать ненадолго 137
Конец ознакомительного фрагмента. 138

.Глава 1. Мы почти спасли наш брак

— Я тебе за эти ужины и выглаженные рубашки ничего не должен, Даша, — говорит Павел. — Ты сама решила всем этим заниматься. Не надо теперь выставлять мне счёт.

Павел сидит рядом, закинув ногу на ногу. На нём рубашка, которую я гладила утром. Даже сказать об этом теперь стыдно: получится, что опять попрекаю. Смотрю на Викторию, но она не останавливает его. Ждёт моего ответа.

Мы восемь месяцев ходим спасать брак. В четверг он сам предложил вечер вдвоём. Я отложила работу, приготовила ужин. Он приехал в половине первого и спросил, почему я ещё не сплю. Теперь объясняет психологу, что я требую плату за домашние дела.

— Я не выставляю тебе счёт, — говорю я. — Я хотела побыть с тобой. Ты сказал, что тоже хочешь.

— Значит, не получилось. — Павел пожимает плечами. — Что теперь, каждый раз просить у тебя прощения? Я домой прихожу, а там опять виноват.

Ему и правда кажется, что обсуждать больше нечего. Сорвался вечер — бывает. А я до сих пор помню, как сидела на кухне и прислушивалась к лифту.

— У тебя не получилось, — повторяю я. — Но извиняться

пришлось мне.

Я извинилась в пятницу утром. При Кирилле. Сказала, что не должна была так разговаривать с отцом. Сын ел хлопья, не поднимал головы. Паша принял извинение и ушёл на работу. Про своё обещание ничего не сказал.

— Потому что ты устроила скандал, — отвечает муж. — А теперь ещё и детям показываешь, какой у них плохой отец.

Я кладу телефон на столик у кресла. Так вот зачем он вспомнил Кирилла. Теперь ещё и перед сыном я его позорю?

— Кирилл слышал, как я просила у тебя прощения. Где я сказала ему, что ты плохой отец?

Павел поворачивается к Виктории.

— Вот видите? Опять каждое слово надо разбирать. Я вообще могу что-то сказать, чтобы она не искала, к чему придраться?

Я сижу в полуметре от него. Он даже не смотрит на меня. Объясняет другой женщине, как со мной тяжело.

— Не надо говорить обо мне так, будто меня здесь нет, — прошу я.

Виктория подвигает ко мне салфетки.

— Дарья, Павел говорит о том, что чувствует. Сейчас важно не спорить с его ощущениями, а понять, почему дома ему стало трудно.

— А мне легко?! — Голос всё-таки становится громче. — Я работаю. С детьми занимаюсь. Его маме помогаю. А сейчас должна объяснить, что сама себе всё это придумала и мне

никто ничего не обещал?

— Мамой моей тоже можешь не заниматься, — отрезает Павел. — Я найду, кого попросить.

Меня обдаёт жаром. Сам на днях позвонил: «Даш, выручи, я никак». Я отпросилась с работы, поехала за лекарствами для его матери. А теперь, при Виктории, он готов нанять кого угодно, лишь бы я замолчала.

— Ты ведь сам меня попросил.

— И спасибо тебе! — Он наконец поворачивается ко мне. — Только я не хочу потом всё это выслушивать. Мы же для этого сюда пришли. Чтобы так больше не было.

Я прижимаю сумку к себе. Хочется спросить, для чего тогда сюда пришла я. Чтобы перестать ждать от него хоть чего-нибудь?

Виктория чуть наклоняется ко мне.

— Вы многое изменили за эти месяцы, — говорит она. — Сами остановились после четверга, извинились. Это ваш успех. Давайте не обесценивать его новым спором.

Я беру салфетку. Не хочу плакать перед ними. Особенно после того, что сейчас сказал Паша.

— Я извинилась за крик, — произношу я. — Не за то, что хотела провести вечер с мужем.

Павел касается моего колена.

— Даш, я тоже хочу. Когда мы спокойно, нам хорошо. Дома ведь правда стало тише. И мне самому хочется чаще быть с вами.

Я не отвечаю. Он так и не извинился, зато гладит меня по колену. Хочется убрать его руку. И хочется, чтобы он обнял меня, сказал: «Да, я был неправ». Двадцать один год мы вместе, а я всё ещё жду этих нескольких слов.

Виктория прикрывает форточку: с улицы сигналят. В кабинете сразу становится тише.

— Вы сказали «чаще», — уточняет она у Павла. — На прошлой неделе вам удалось побыть вместе?

Я смотрю на него. Вспоминаю рыбу, которую он сам принёс и приготовил. За ужином даже Кирилл снял наушники, попросил добавки. Потом Паша позвал меня смотреть комедию. Я было пошла мыть посуду, а он поймал за руку: «Даш, потом. Начало пропустишь». Мы весь фильм просидели обнявшись. Давно такого не было.

— Мне понравился тот вечер, — признаюсь я. — Очень.

Павел наклоняется ко мне, улыбается. На щеке у него свежий порез от бритья. До чего же знакомое лицо. Я всё ещё злюсь и всё равно хочу к нему прижаться, как тогда на диване.

— В субботу съездим за город, — обещает он. — Вдвоём. Кирилл у приятеля собирался ночевать, а мы хоть выспимся.

— Ты серьёзно? — Я не могу удержать улыбку. — А твоя встреча?

— Перенесу. Ничего с ними не случится.

— Правда перенесёшь? — переспрашиваю я. Не хочу снова приготовить ужин и ждать до ночи.

Паша сжимает моё колено.

— Я же сказал. С утра поедем.

Виктория улыбается нам обоим. Я тоже улыбаюсь, хотя разговор о четверге мы так и не закончили.

— Постарайтесь провести выходные без обсуждения старых претензий, — советует она. — Вам обоим нужен хороший совместный опыт.

Я киваю. На даче ещё холодно по вечерам, надо будет взять свитер. И синее платье — Паша когда-то его любил.

К концу встречи у мужа вибрирует телефон. Он смотрит на экран, морщится и показывает Виктории, что должен ответить. Та кивает. Павел выходит в коридор, оставив пиджак на спинке кресла.

— Видите, сколько всего меняется? — спрашивает она, когда дверь закрывается. — Вам сейчас важно не испугаться и не начать снова искать подвох.

На столике загорается мой телефон. Полина прислала фотографию собаки в трамвае. Открою потом.

— Просто я боюсь снова поверить, — говорю я. — А потом опять окажется, что только мне это нужно.

Виктория чуть подаётся вперёд.

— Вам нужно позволить Павлу проявляться в его темпе.

Муж возвращается, прежде чем я успеваю ответить. Уже надевает пиджак, застёгивает пуговицу.

— Всё, меня вызывают. Проблема на складе, придётся ехать. Даш, ты сама доберёшься?

— Доберусь, я на машине, — отвечаю я. — А ты надолго?

Павел уже стоит у двери. Рабочие звонки у него и ночью бывают: он отвечает за перевозки, на складе вечно что-то случается.

— Пока не знаю, — отвечает он. — Там разберусь.

Виктория смотрит на меня поверх кружки. Я вспоминаю её «в его темпе» и больше ни о чём не спрашиваю.

— Хорошо. До вечера.

Павел быстро целует меня в висок. Я поворачиваюсь к нему, но он уже отстраняется. Начинаю собирать сумку, благодарю Викторию. Говорю, что мне стало легче.

— Вы хорошо поработали, — отвечает она.

Я думаю о субботе и очень хочу, чтобы это было правдой.

В холле администратор занята посетителем. Машу ей, хотя она не смотрит, и выхожу. На улице тепло, можно снять жакет. Я перекидываю его через сумку и иду к машине вдоль забора.

По дороге вспоминаю про Полину. Позову её в воскресенье на ужин, когда вернёмся с дачи.

Сажусь за руль, лезу в боковой карман сумки. Нет телефона. Проверяю другой, открываю отделение с кошельком. Тоже нет. Чёрт, на столике оставила! Рядом с креслом, где увидела сообщение от Полины.

Закрываю машину и возвращаюсь к входу.

У стойки всё ещё стоит посетитель. Администратор что-то показывает ему на мониторе. Не отвлекаю её, сама прохо-

жу к знакомому кабинету.

В коридоре стало тише. Из соседнего помещения доносится шум воды. На двери Виктории светлая табличка, в стеклянной вставке отражается лампа. Я нажимаю на ручку и толкаю дверь, уже готовая извиниться за свою забывчивость.

Павел здесь.

Он держит Викторию за талию. Целует так, что я сначала даже не могу понять, куда именно смотрю. У него одна ладонь на её спине, другая возле шеи. Виктория обнимает его, чуть отклонив голову, и улыбается ему прямо в губы.

Мне делается дурно. Я упираюсь в дверной косяк. Это мой муж. Паша. Он только что целовал меня в висок, а сейчас… Господи, нет. Не здесь! Не с ней!

Павел замечает меня и отстраняется. Виктория ещё держится за его плечо. Потом убирает руку, оглядывается на дверь. Они даже не сразу отодвинулись друг от друга. Я смотрю на них и никак не могу выговорить ни слова.

— Даша… — муж тянется ко мне, но я отшатываюсь в коридор.

Виктория первая находит слова. Поправляет ворот блузки и смотрит мне в лицо тем самым внимательным взглядом, под которым я восемь месяцев рассказывала, что со мной не так.

— Дарья, пожалуйста, не делайте поспешных выводов из того, что увидели.

Я слышала это в октябре. Потом в январе, когда нашла

на его рубашке чужой волос. И на прошлой неделе, после четверга.

И каждый раз верила ей.

.Глава 2. Ты опять всё неправильно понимаешь

— Какие ещё выводы?! — Я кричу так, что сама пугаюсь своего голоса. — Вы его целуете! Моего мужа!

Павел быстро подходит и берёт меня за локоть. От этого прикосновения становится мерзко. Он только что обнимал её. Я дёргаюсь, задеваю сумкой дверь и едва не ударяюсь плечом о косяк.

— Убери руки!

— Даша, тише! — Он оглядывается в коридор. — Пойдём поговорим. Здесь люди.

Я упираюсь каблуком в порожек. Ещё он будет решать, где мне разговаривать! Виктория стоит возле стола. У неё порозовела шея, но она уже поправляет ворот блузки и смотрит на меня, выжидая. Как на сеансе.

— Так пусть послушают! — выкрикиваю я. — Пусть узнают, как у вас тут семьи спасают!

За спиной щёлкает замок соседнего кабинета. Павел отпускает меня и тянет дверь на себя. Я не даю закрыть, держусь за край. Ещё минуту назад боялась не вовремя войти, помешать женщине, которая мне помогает. Сейчас хочется распахнуть настежь всё, что здесь есть.

— Дарья, ресепшен скоро закрывается, — произносит

Виктория. — Сотрудники сейчас будут проходить. Пожалуйста, зайдите, мы поговорим.

Я жду, что она попросит прощения. Хоть как-нибудь объяснится. А ей важно, чтобы сотрудники не услышали!

— Вам за меня стыдно? — спрашиваю я. — Я вам мешаю? Может, мне ещё извиниться за то, что вернулась?!

Виктория перестаёт поправлять блузку.

— Я понимаю, что вы сейчас испытываете…

— Да ничего вы не понимаете! — Я всё-таки вхожу, оттесняю Павла плечом. — Нет, понимаете. Всё понимаете! Вы же меня расспрашивали! Про детей, про постель… Господи, я вам про нашу постель рассказывала!

От стыда меня бросает в жар. Хочется закрыть лицо, но я не могу отвести от неё глаз. Она сидела напротив и спрашивала, что мне мешает проявлять инициативу. Я, взрослая женщина, мяла салфетку и пыталась объяснить, как больно получать отказ. А она знала, почему он отказывает?

Павел закрывает дверь за моей спиной. На столике лежит мой телефон. Надо забрать его и уйти. Но я стою, смотрю на них, и мне страшно даже представить, что будет после того, как выйду отсюда.

— Даш, посмотри на меня, — просит муж. — Это случилось. Я не собираюсь отрицать. Но ты сейчас себе напридумываешь…

Я резко поворачиваюсь к нему.

— Что я ещё могу придумать?! Вы уже всё сделали!

Он стоит близко, и я вижу порез на щеке. Я ведь поцеловать его хотела. Несколько минут назад, в этом самом кресле. Теперь хочется ударить. Чтобы хоть перестал смотреть на меня с укором!

— Как давно? — выдавливаю я. — Только не ври мне сейчас.

Павел смотрит на Викторию. Она чуть отворачивается к окну. Я замечаю это и начинаю смеяться. Звук получается отвратительный, почти всхлип.

— Ты у неё разрешения спрашиваешь? Можно жене ответить?

— Недавно, — говорит он резко. — Даша, это началось совсем недавно. Мы с тобой уже… Ты же сама знаешь, что было дома.

В груди так больно, что я прижимаю к себе сумку. Да чтоб ты провалился со своим «сама знаешь»! Я знаю, как восемь месяцев сидела здесь и выслушивала, что слишком многого от него хочу. Знаю, как перестала звонить. Как вставала ночью, когда он приезжал, и грела ужин, чтобы хотя бы немного побыть рядом.

— Дома я была с твоим сыном! — срываюсь я. — С твоими рубашками, с твоей мамой, которой опять нужны были лекарства! А ты где был?! Вот здесь?

— Здесь — нет! — Павел отвечает слишком быстро и тут же добавляет: — То есть… Даш, сейчас вообще не об этом.

— Как это — не об этом?! — Я хватаю его за рукав, за-

ставляю посмотреть на меня. — Ты мне в глаза врал! Сейчас, здесь! Я сказала, что боюсь тебе верить, а ты сидел и слушал!

Павел высвобождает руку. Я разжимаю пальцы: даже держаться за его рубашку противно. Господи, я же сама поблагодарила её за помощь. При нём!

Виктория обходит стол и останавливается у своего кресла.

— Павел прав в одном: ваши отношения действительно переживали тяжёлый период. Личная ситуация сложилась отдельно от нашей профессиональной работы.

— Отдельно?! — Я шагаю к ней. — Вы восемь месяцев объясняли мне, как сделать его счастливым! А сами с ним спали!

— Дарья, я не могу продолжать разговор, пока вы…

— Тогда помолчите! Хоть один раз! — Я почти захлёбываюсь словами. — Вы вообще могли меня консультировать? Жена вашего любовника! Вам нормально было брать у меня деньги за это?!

Виктория поджимает губы. Теперь уже и она злится на меня. Ни одного «простите», зато сейчас опять объяснит, как мне следует себя вести.

— Вы сейчас объединяете разные обстоятельства, — говорит она. — Я никогда не давала вам рекомендации с целью причинить вред.

— Вы не давали?! — Я повышаю голос, хотя за стеной уже перестали двигать мебель. — Вы говорили: не проверяйте, доверяйте мужу! Вот я доверяла! Что мне теперь с вашими

советами делать?!

Она отступает за кресло. Я остаюсь на месте. Если подойду, боюсь, схвачу её — так хочется хоть чем-нибудь пробить это деловое спокойствие.

— Сядь, — предлагает муж. — Ты вся белая. Давай воды…

Он тянется к кувшину. Я отодвигаю его руку вместе с кувшином, чуть не опрокинув на стол.

— Не надо! Не надо изображать заботу! Ты меня поцеловал перед уходом. Сказал, что едешь на склад. А сам вернулся к ней! Или даже не уходил?!

Павел молчит. Его ключи лежат возле кресла, где он сидел рядом со мной. Никуда он не собирался. Или вернулся сразу, едва я вышла?

— Мы в субботу за город собирались, — говорю я уже совсем другим голосом. — Ты мне это сейчас зачем обещал?

— Потому что хотел поехать, Даша! — Он смотрит на меня, будто я отказываюсь понять очевидное. — Я действительно хотел. Я не перестал… У нас семья. Дети.

Виктория опускается на край кресла и пристально смотрит на Павла. Он избегает её взгляда. Меня мутит: я стою рядом, а у них свой разговор, который они пока не решаются начать при мне.

Я подхожу к столику, забираю телефон. Экран загорается: всё та же собака, которую прислала Полина. Я прижимаю телефон к сумке и иду к двери. Больше я здесь не останусь.

— Дарья, — начинает Виктория, — давайте договоримся о следующем разговоре, когда вы сможете…

Я оборачиваюсь к ней уже у двери.

— Вы больше не будете мне объяснять, когда и как я могу разговаривать. И ничего мы с вами не договоримся!

Я тяну дверь так сильно, что она ударяется об ограничитель. В коридоре женщина в сером кардигане замедляет шаг, смотрит на меня. Мне стыдно, что она видит моё лицо, но остановиться и привести себя в порядок я не могу.

Прохожу мимо стойки. Администратор поднимает глаза, начинает что-то спрашивать. Я только качаю головой и выхожу. На ступеньках налетаю на мужчину, и он успевает придержать дверь, чтобы я не ударилась о стекло.

— Простите, — бормочу я ему.

Мужчина что-то отвечает, но я уже бегу к калитке. Лишь бы никто больше не остановил.

Павел догоняет у калитки. Я слышу его шаги и ускоряюсь, но он обходит меня и встаёт поперёк дорожки.

— Дай я тебя отвезу. Ты сейчас не можешь за руль.

— Отойди! — Я обхожу его по газону. Тонкий каблук проваливается в землю, приходится выдёргивать. Павел хочет помочь, но я отмахиваюсь. — Просто отойди от меня.

Он всё-таки отступает. Я добираюсь до машины, сажусь и запираю дверь. Салон нагрелся, пахнет кремом для рук, который протёк в бардачке. Я раскрываю рот и наконец начинаю плакать. Громко, некрасиво, прямо здесь, согнувшись

над своей сумкой.

Павел стучит по стеклу. Потом звонит. Я сбрасываю, он снова звонит. Невыносимо смотреть, как на экране появляется его фотография с дачи. Кирилл снял прошлым летом. Паша там смеётся, держит шампур с подгоревшим мясом.

Я опускаю стекло на ладонь.

— Уйди. Я никуда сейчас не еду.

Он приседает возле двери, пытается заглянуть мне в лицо. Я отворачиваюсь, вытираю щёки рукавом.

— Пожалуйста, пока не говори детям. Нам сначала нужно решить, как быть. Не надо, чтобы они узнали вот так, когда ты…

— Когда я что?! — перебиваю я. — Когда я плачу? Или когда ещё помню, как ты её целовал?

— Когда ты не можешь меня услышать, — отвечает он устало. — Даша, я всё ещё хочу сохранить семью. Найдём другого специалиста. Нормального, независимого. Нам надо попробовать.

Я смотрю на мужа через щель в окне. Он говорит серьёзно. Кажется, даже рассчитывает, что я соглашусь. Мы начнём сначала, я снова сяду в кресло и буду рассказывать, как довела его до чужой женщины.

— Я больше не собираюсь её спасать, Паша.

Он выпрямляется. Я поднимаю стекло, прежде чем он успевает ответить.

.Глава 3. Ты уже рассказал всем, какая я плохая?

Павел ещё стоит у машины. Я вытираю лицо, жду, пока перестану всхлипывать. Он наконец уходит. Только минут через десять я могу завести двигатель.

Еду домой. Кирилл на тренировке, до девяти его не будет. Успею умыться и хотя бы решить, что ему сказать.

В лифте рассматриваю себя в маленьком зеркале. Тушь под глазами, на левой щеке полоса от сумки, к которой прижималась. Поправляю волосы и вдруг думаю: Паша сейчас увидит меня такой. А её оставил красивую, собранную, в светлой блузке.

Какого чёрта я вообще ещё сравниваю себя с ней?!

В прихожей пахнет обувным кремом. Павел утром чистил туфли, щётка до сих пор на тумбочке. Рядом наши фотографии. Полина без передних зубов, Кирилл в смешной панаме, мы вчетвером у моря. Я прохожу мимо, но всё-таки возвращаюсь и кладу рамку лицом вниз.

В спальне на дверце шкафа висит приготовленная ему на завтра рубашка. На кухне — мясо в маринаде, овощи в контейнере. Я открываю холодильник и так и стою перед ним. Не знаю, зачем открыла. Готовить ему ужин я больше не могу.

Входная дверь открывается. Он приезжает следом, прохо-

дит на кухню, замедляет шаг возле стола.

— Даш, ты доехала нормально?

Я закрываю холодильник.

— Вышел бы хоть на полчаса. Я не могу на тебя смотреть.

Он остаётся возле двери. Снимает пиджак, вешает на спинку стула. Всегда так делает, хотя рядом есть шкаф. Раньше я убирала, иногда ворчала. Сейчас этот пиджак так бесит, что хочется швырнуть его в подъезд.

— Нам надо поговорить. Кирилл скоро придёт.

— Вот когда придёт, ты и расскажешь ему, где был! — Я хватаю пиджак и протягиваю мужу. — Забери!

Павел берёт пиджак, но остаётся в дверях. Я жду, что он всё-таки выйдет. Он смотрит поверх моего плеча на стол.

— Не делай из меня чудовище, — просит он. — Я понимаю, что виноват. Но ты ведь знаешь, как мы жили последний год.

Меня сразу накрывает злостью. Даже здесь, даже теперь он начинает с этого! Я весь год пыталась понять, почему он перестал ко мне подходить. Уставала, злилась, мы ссорились. Но мне же казалось, что он тоже хочет что-то исправить.

— Не надо рассказывать мне про последний год. Расскажи, как ты выбирал нам психолога!

— Её рекомендовали, — отвечает Павел. — Ты слышала уже. Даша, я не собираюсь сейчас по десятому разу…

— А я собираюсь! — перебиваю я. — Сколько раз мы к ней сходили? Ты считал? Сколько раз я сидела и извинялась

перед тобой, а вы потом…

Не могу договорить. Вижу его руку на её талии. Снова. Как она чуть подалась к нему. Хочу, чтобы эта картинка исчезла, но стоит закрыть глаза — ещё хуже.

Павел отворачивается к окну. Я вижу в стекле его отражение и жду ответа. Смотрел бы хоть на меня, раз уж сам пришёл разговаривать.

— У нас давно не было близости, — говорит он. — Ты всё время уставшая. Я что ни скажу — ты про школу, про работу, про маму. Мы вообще когда последний раз нормально разговаривали?

— Сегодня! У твоей любовницы! — Я почти срываю голос. — Я тебе сказала, как мне понравился наш вечер. Ты пообещал выходные! Разве нет?!

Он поворачивается обратно.

— Вот ты сейчас кричишь, а я пытаюсь объяснить. Ты подозревала меня и раньше. Проверяла телефон, спрашивала, с кем я был. Ещё тогда, когда ничего не было!

Однажды я действительно полезла в его переписку. Потом призналась, просила прощения. Он до сих пор напоминает об этом при каждой ссоре. Сейчас тоже ждёт, что я начну оправдываться.

— Значит, я заслужила? — спрашиваю я. — Скажи уже. Из-за того телефона тебе стало можно спать с женщиной, которой я рассказывала о себе?

— Я такого не говорил!

Павел впервые повышает голос. В прихожей снова поворачивается ключ. Мы оба замолкаем, но поздно: Полина уже заходит на кухню. В руках у неё пакет с какими-то булками. Она смотрит сначала на меня, потом на отца с пиджаком в руках.

— Что случилось? Мам, ты плачешь?

Я едва не бросаюсь к ней. Полина прижимает к себе пакет, смотрит на мои заплаканные глаза. Ей самой страшно. Господи, зачем она приехала именно сейчас?

— Мы с мамой разговариваем, — начинает Павел. — Полин, давай позже…

— Он спит с Викторией, — говорю я.

Полина выпускает пакет, не донеся до стола. Булки рассыпаются по полу. Она смотрит на отца. Я тоже смотрю: что он скажет ей? Как объяснит, зачем мы ходили к этой женщине?

— С какой Викторией? — спрашивает дочка. — С вашей… Пап, ты что?!

Павел подходит к ней, но Полина отступает к холодильнику.

— Всё сложнее, чем мама сейчас рассказала. Да, у меня есть отношения. Но мы с твоей мамой давно…

— Да не смей! — Я встаю между ними. — Не объясняй ей, как я тебя довела! Ты хотя бы при дочери можешь этого не делать?!

— Я не это говорю! — огрызается Павел. — Ты можешь хоть дать мне договорить?!

Полина вздрагивает. Мне хочется выставить его за дверь, остаться с дочерью вдвоём. Но это его дом тоже, и он явно никуда не собирается.

— Мам, подожди, — просит Полина. — Я не понимаю. Ты же сама говорила, что у тебя… Ну, что ревность. Что вы работаете над этим.

Я сама ей это говорила. Просила не переживать: папа хочет сохранить семью, нам помогают. Даже советовалась, что надеть, чтобы ему понравиться. И сейчас мне стыдно перед собственной дочерью за то, как я ему верила.

— Я ему верила, — говорю я. — А сегодня вернулась за телефоном. Они целовались у неё в кабинете. После нашего сеанса.

Полина закрывает рот ладонью. Потом убирает руку и смотрит на отца.

— Пап, ну как ты мог? Вы же вместе туда ходили!

— Я плохо поступил, — отвечает Павел. — Но я не собирался уходить вот так. Мы с мамой ещё можем…

— Ничего мы уже не можем! — Мне страшно от собственных слов. Я произношу их при дочери, и обратно не заберу. — Я с тобой больше не буду жить.

— Мам, погоди… — Полина вытирает щёки рукавом. — Вы сейчас вот так всё решите? А Кирилл?

Я подхожу к ней, но дочка отворачивается. Ещё минуту назад я хотела, чтобы она узнала правду. Теперь не знаю, как объяснить ей, что будет дальше. Кирилл скоро вернётся, а я

даже не смогла умыться.

— Даш, не торопись, — говорит Павел у меня за спиной. — Ты сейчас всё решаешь на эмоциях. Ты же всегда больше всего боялась, что дети будут страдать, как ты сама.

— Не говори про мою мать!

Я оборачиваюсь к нему. Только не это. Он знает, как тяжело я пережила уход отца. Неужели сейчас ещё и этим попрекнёт?

— Я не про мать. Я помню, как ты прятала папины тапки. Чтобы он вернулся и ему было что надеть. Ты не хочешь, чтобы Кирилл так же…

— Замолчи! — Я слышу себя и уже не могу остановиться. — Замолчи, Паша! Ты откуда это знаешь?!

Полина перестаёт вытирать лицо. Павел тоже замолкает. Смотрит на меня, потом на дочь.

— Ты сама рассказывала. Когда-то дома. Я не помню сейчас, когда.

Я очень хорошо помню, когда рассказывала. Виктории. На индивидуальной встрече в этом месяце. Мы говорили о маме, я сначала объясняла привычную семейную историю, а потом вдруг вспомнила те тапки. Как спрятала за зимние сапоги и долго никому не говорила.

Я никогда не рассказывала об этом Павлу. Мне было стыдно даже после стольких лет. Виктория тогда уверяла, что в этом кабинете можно говорить всё.

— Нет, — произношу я. — Я тебе про тапки не расска-

зывала.

— Даш… — Павел опускает пиджак на стул.

Я жду. Про наш брак он уже всё объяснил. Теперь пусть скажет, откуда знает то, что я доверила ей одной.

.Глава 4. Мне нужны доказательства

— Ты можешь сейчас не помнить, — говорит Павел. — Мы столько всего обсуждали. Даша, я знаю тебя двадцать лет.

Я отступаю от стола. Мне страшно, что он сейчас повторит ещё что-нибудь. Другую подробность, о которой знает только Виктория. Полина смотрит на нас, и я больше не хочу стоять при ней здесь. Не хочу, чтобы она слышала, как отец объясняет мне, что я опять забыла собственные слова.

— Двадцать один, — отвечаю я. — И не надо мне рассказывать, что я говорила. Я знаю.

Ухожу в спальню, закрываю дверь. Павел начинает что-то объяснять дочери. Я снимаю с плечиков его рубашку, бросаю в шкаф и прижимаю к лицу подушку. Всё равно слышно.

Ночью почти не сплю. Кирилл возвращается, проходит в свою комнату. Я слышу, как Павел спрашивает про тренировку, как сын ему отвечает. Хотела выйти, но не могу. Не при муже. Потом Кирилл уже спит, а я лежу и составляю в голове разговор с Викторией. От одной мысли, что снова окажусь напротив неё, начинает мутить.

Утром я нахожу на сайте центра имя руководителя. Константин Веденин. Управляющий директор, совладелец. Фо-

тография небольшая, мужчина в тёмном костюме. Звоню и прошу принять меня. Администратор предлагает написать на почту.

— Я приеду, — говорю я. — У меня жалоба на Ланскую. Мне нужен человек, который отвечает за ваш центр.

Она просит подождать, потом назначает встречу на обед.

Я приезжаю заранее и несколько минут сижу у того же забора. Вчера Паша стучал в это стекло, предлагал нам другого психолога. Сегодня придётся рассказывать чужому человеку, почему я больше ни к кому из них не пойду.

В холле всё привычное: кофейный автомат, светлая стойка, корзинка с бахилами. Администратор приветствует меня по имени. Я хочу спросить, знала ли она, почему Паша иногда приезжал сюда без меня. Но откуда я знаю, что приезжал? Я ведь ничего уже не знаю.

— Руководитель ждёт? — спрашиваю я вместо этого.

Меня проводят в другой коридор. Кабинет Веденина возле лестницы, за окном видно парковку. На столе два монитора и чашка, возле книжного шкафа несколько коробок с одинаковыми буклетами. Здесь пахнет типографской краской, я узнаю запах с работы.

Константин встаёт навстречу. Высокий, с сединой у висков, в рубашке с закатанными рукавами. Убирает коробку с соседнего стула, чтобы я могла поставить сумку, и предлагает сесть. Я всё равно держу сумку на коленях.

— Дарья Белова? — уточняет он. — Я Константин Веде-

нин. Вы хотели обсудить работу Виктории Ланской.

— Она спит с моим мужем.

Он не отвечает сразу. Я смотрю ему в лицо, жду, что хоть здесь кто-нибудь скажет, что это чудовищно. Константин отодвигает папку и садится напротив. У него очень спокойный взгляд. Мне уже не нравится.

— Расскажите, что произошло.

Я начинаю с телефона. Путаюсь, возвращаюсь к началу сеанса, объясняю, почему ушла раньше мужа. Нет, он ушёл раньше меня. Вернее, должен был уйти. Веденин не поправляет, даёт договорить. От этого немного легче, но я всё равно говорю слишком быстро.

— Они целовались. Она его обнимала. Потом мне предложили не делать поспешных выводов. Представляете?! Та же женщина, которая месяцами учила меня ему доверять!

— Когда состоялась консультация? — спрашивает он.

Я называю время. Он записывает, спрашивает, кто ещё был в кабинете. Я сжимаю ручки сумки. Конечно. Свидетелей-то у меня нет. Они вдвоём скажут, что ничего не было, а я чем докажу?

— Вам мало того, что я сама это видела? — спрашиваю я. — Мне ещё свидетелей было надо привести?!

Константин кладёт ручку.

— Я выясняю обстоятельства. Ваш муж подтвердил отношения?

— Да! — Я наклоняюсь к столу. — Но вы сейчас скажете,

что это тоже нужно записать? Заставить его повторить при вас?

Константин не отводит взгляда. Мне хочется встать и уйти: сейчас ещё и здесь начнут объяснять, что я всё преувеличила.

— Мне нужно понять, что можно проверить, — говорит он. — Есть ваши договоры, даты консультаций. Есть ваше заявление о личных отношениях специалиста с клиентом. Вы вправе подать письменную жалобу.

— А вы вправе её уволить!

Сама слышу, как резко это прозвучало. Но я хочу, чтобы Виктория перестала сидеть в своём кресле и рассказывать чужим жёнам, какие они неправильные. Сегодня. Пока я здесь, пока ещё есть силы требовать.

Веденин чуть отодвигается от стола.

— Я не могу объявить её виновной на основании одного разговора. Сначала проверка.

— Конечно, — говорю я. — Она у вас известная. Книжки, выступления. А я просто жена, которая не вовремя зашла.

Последние слова выговариваю с трудом. Господи, сейчас расплачусь. Я приехала жаловаться на её работу, а сижу и почти прошу поверить, что муж мне изменил.

— Я не сказал, что вам не верю, — отвечает он. — Я услышал серьёзное обвинение. Поэтому документы будут сохранены, а обращение рассмотрят люди, которые не связаны с Ланской.

— С вами связаны? — Я уже не могу остановиться. — Вы ведь её партнёр. Вам выгодно, чтобы я ушла. Чтобы ничего не было.

За дверью громко отвечает на звонок сотрудница. Я невольно понижаю голос. Константин встаёт, плотнее прикрывает дверь и возвращается к столу.

— Именно поэтому я предлагаю независимое рассмотрение, — произносит он. — И мне нужно письменное обращение. В нём вы сможете точно указать, на что жалуетесь и какого ответа ждёте.

— Я хочу знать, что она рассказывала мужу, — говорю я. — Из наших разговоров. Когда его здесь не было.

Веденин перестаёт писать. Теперь смотрит внимательнее. Я рассказываю про вчерашнюю кухню, про историю из детства. Про тапки произнести не могу. Говорю только, что муж повторил подробность индивидуальной встречи.

— Я понимаю, что не могу это доказать прямо сейчас, — добавляю я. — Но я не выдумала. Я ей рассказывала. Ей одной.

Кусаю губу, чтобы не заплакать. Если он спросит, что именно узнал Павел, придётся ещё раз рассказать про тапки. Здесь, при нём. Я к этому не готова.

Он пододвигает салфетки. Я достаю свои, но промахиваюсь мимо кармана сумки, и Константин отворачивается к монитору. Даёт мне вытереть глаза.

— Укажите это отдельно, — говорит Константин. — Пе-

редача сведений с индивидуальных встреч — существенный вопрос. Если сохранились договоры, приложите копии. Оригиналы оставьте себе.

— Я не буду ещё раз говорить с ней, — предупреждаю я.

Он сразу отвечает:

— Совместной встречи сейчас не предлагаю. Вы получите адрес для обращения и имя человека, который примет документы. Вам не придётся передавать их через Викторию.

Я беру лист с адресом почты.

— А пока я пишу, она будет принимать? Другие пары?

Константин медлит, и я уже жалею, что спросила. Он тоже не собирается ничего решать прямо сейчас.

— Порядок работы на время проверки определим сегодня, — отвечает он. — В письме вам укажут, кто отвечает за обращение. Если что-то понадобится, связывайтесь с ним напрямую.

— Вы с ней хотя бы поговорите? — спрашиваю уже у двери.

Веденин встаёт. Мне кажется, сейчас он пообещает какую-нибудь бесполезную вежливость. Но он произносит другое:

— Виктория уже сообщила мне о вчерашнем эпизоде.

Я перестаю складывать лист. Значит, он уже говорил с ней. И всё это время мне ничего не сказал.

— И что же сообщила? Что я ворвалась? Устроила истерику?

— Что после консультации состоялся сложный личный разговор, который вы неверно истолковали, — отвечает он. — Сейчас я услышал вашу версию.

«Мою версию». Я так крепко сжимаю лист, что мнётся угол. Ещё вчера, пока я плакала в машине, она успела позаботиться о том, что он услышит первым.

— Так вы с самого начала знали, зачем я пришла? — спрашиваю я. — А я тут вам рассказывала…

Я замолкаю. Только что боялась, что придётся рассказать ему про детство. А теперь думаю: сколько она уже успела рассказать сама?

.Глава 5. Они давно считают меня виноватой

— Значит, вы будете решать, кто из нас врёт? — спрашиваю я.

Константин остаётся возле стола.

— Проверку будут проводить другие люди. Я не предлагаю вам поверить Виктории. Подайте жалобу, Дарья.

Я выхожу, не ответив. У машины достаю телефон. Хочется позвонить Паше, спросить, что ещё ему пересказала Виктория. Но я уже знаю, что услышу: «Ты сама говорила, просто забыла».

Звоню Жанне. Она отвечает почти сразу, на заднем плане стучит клавиатура.

— Ты можешь меня пустить к себе? На несколько дней.

Клавиши перестают стучать.

— Даш, что случилось?

Я рассказываю коротко. Слишком коротко для того, что произошло, но больше не могу. Жанна ничего не спрашивает про мои доказательства.

— Приезжай. Я сейчас освобожу диван в маленькой комнате. Что тебе надо привезти из дома?

— Я сама соберу, — отвечаю я. — Только не знаю, на сколько. Я тебе не помешаю?

Жанна шумно выдыхает в трубку.

— Даш, приезжай. Разберёмся.

Домой заезжаю, когда Павла ещё нет. Кирилл собирается на тренировку. Стоит в прихожей, завязывает кроссовки, и я вдруг вижу, какой он большой. В шестнадцать лет уже выше меня. Я хочу потрогать его волосы, но он наклоняется за сумкой.

— Я поживу у Жанны, — говорю я. — Несколько дней. Ты можешь со мной, если захочешь.

Кирилл не поднимает головы.

— Папа сказал, вы разъезжаетесь.

Я ещё не успела поговорить с сыном, а Павел уже всё ему объяснил. И про то, почему мама уезжает, наверное, тоже.

— Мы пока ничего не решили, — отвечаю я. — Я просто не могу сейчас находиться с ним в одной квартире.

Кирилл поднимается, закидывает сумку на плечо.

— Я останусь. Мне отсюда до зала близко.

Я киваю, хотя хочется схватить его за сумку и сказать: ты что, серьёзно? Будешь жить с отцом, который сделал со мной такое? Как он может так буднично говорить про зал?!

— Ладно, — выдавливаю я. — Позвони мне вечером, хорошо?

Он обещает и уходит. Я собираю сумку, оставляю её в прихожей и заглядываю к нему в комнату. На стуле футболка, на столе учебники. Не могу заставить себя закрыть дверь. Только теперь доходит: вечером я не услышу, как он вернул-

ся.

Жанна открывает мне в домашних штанах и с мокрыми волосами. Обнимает в дверях, придерживая ногой створку. От неё пахнет обычным шампунем. Я утыкаюсь ей в плечо и стою, пока она не начинает отступать вместе со мной в прихожую.

— Заходи уже. Мы так соседям проход перекрыли.

В её маленькой комнате тёпло от солнца. На диване свежее бельё, у стены гладильная доска с рубашкой Жанны. Она сдёргивает её и перебрасывает в кресло.

— Мне надо было погладить. Теперь не надо. Клади сумку здесь, а ноутбук можешь на кухне поставить. И Кирилла зови, если захочет приехать. Место найдём.

Я сажусь на диван. Из сумки торчит рукав домашней футболки. Хочется сразу убрать вещи в шкаф, чтобы не видеть их вот так, и страшно попросить полку. Вдруг придётся жить здесь долго?

Жанна садится рядом.

— Чай будешь? Или сначала расскажешь?

— Не знаю, — отвечаю я. — Жан, я не понимаю, что теперь делать.

Жанна подсаживается ближе.

— Сейчас надо поесть. Потом поспать, если получится. Если он начнёт что-нибудь предлагать про деньги, ничего сегодня не решай. Ты потом посмотришь. Я могу кого-нибудь найти, кто поможет разобраться.

— Ты думаешь, мы разведёмся? — спрашиваю я у Жанны.

— Не знаю, Даш, — после паузы отвечает Жанна. — Я сама его прибить хочу. Но тебе не обязательно сегодня решать. У меня поживёшь, потом видно будет.

Я смеюсь сквозь слёзы. Жанна обнимает крепче, и я наконец могу поплакать, не объясняя, почему не справляюсь.

Телефон звонит, когда Жанна разогревает суп. На экране имя свекрови. Хочу сбросить, но она может спрашивать про Кирилла. Отвечаю.

— Даша, ты у Жанны? — уточняет она вместо приветствия. — Павел очень переживает.

Я отодвигаю тарелку, которую только что поставила Жанна.

— Он вам рассказал, что я увидела?

— Он сказал, что произошло неприятное, — отвечает свекровь. — И что ты теперь не хочешь спокойно обсуждать. Дашенька, ведь давно всё к этому шло. Вы же даже к специалисту ходили.

— Этот специалист спит с ним! — вырывается у меня. — С вашим сыном! Вы слышите меня?!

Жанна останавливается у плиты. Я прижимаю телефон плотнее к уху, жду ответа. Теперь-то она поняла?

— Я не оправдываю Павла, — отвечает она. — Он поступил плохо. Но ты последние месяцы тоже была очень… Ты же сама говорила, что ревность тебе мешает.

Говорила. Она спросила, помогает ли терапия, и я за её

обеденным столом стала хвастаться, как учусь доверять мужу. Она ещё похвалила меня. Боже, какой дурой я себя сейчас чувствую.

— Вы давно это обсуждаете с ним? — спрашиваю я.

Свекровь не сразу отвечает.

— Он ещё зимой просил тебя поберечь. Что ты срываешься, всё принимаешь близко. Я потому и не лезла. Думала, вы разберётесь.

Зимой. Значит, она уже тогда слушала, какая я трудная. А потом звонила и спрашивала, не хочу ли я чаще выбираться с Пашей куда-нибудь, чтобы он не скучал дома.

— Он вам про себя ничего не рассказывал? Где бывает, почему приезжает ночью?

— Даша, у него работа, — повышает голос свекровь. — Ты сама прекрасно знаешь. Ты опять… Я хочу вам помочь, а ты со мной ругаешься.

— Я не буду с вами обсуждать, какая я жена! — перебиваю я. — Спросите у сына, чем он занят после работы. Только у него спросите, мне больше не звоните!

— Подожди, давай хотя бы про Кирилла—

Я нажимаю отбой. Сразу страшно: вдруг она действительно хотела сказать что-то про Кирилла? Уже тянусь перезвонить, но Жанна останавливает:

— Позвони ему. Сама. Если тебе надо узнать про сына, спрашивай сына.

Пока набираю, приходят сообщения. От родственницы

Павла, с которой мы виделись на Новый год. От его сестры. Одна просит не рубить с плеча, другая пишет, что дети не должны страдать из-за наших обид. Я переворачиваю телефон, но он продолжает вибрировать на столе.

Господи, он всем это рассказывал? Все знают, как я ревную, как давлю, как не умею остановиться? Я ведь тоже рассказывала. На семейных встречах сама объясняла, что работаю над собой. Им даже не нужно было ничего придумывать.

— Я сама помогла, — говорю Жанне. — Сама всем объяснила, что виновата.

Она садится напротив.

— Ты объяснила, что хотела что-то исправить. Это всё, что ты тогда знала.

Я набираю Кирилла. Сегодня он обещал позвонить, но я не выдержала и до вечера. Как буду ждать завтра?

Он отвечает со второго звонка. В трубке шумит вода.

— Мам, я в раздевалке. Ты что хотела?

— Как тренировка? — спрашиваю я. — Ты поел?

— Да всё нормально. Папа заказал еду. Слушай, ты можешь не звонить по два раза? Я бы перезвонил.

— Я волновалась, — начинаю я и осекаюсь. Сколько раз он это уже слышал. Сейчас объясню, как мне без него плохо, и он опять решит, что должен меня успокаивать.

— Хорошо, — отвечаю я. — Кирилл, ты точно не хочешь приехать ко мне? Жанна не против.

Он тяжело выдыхает.

— Зачем? Мне здесь нормально. Вещи все дома, друзья. Я не хочу опять слушать про развод.

— Я не собиралась… — начинаю я и останавливаюсь. Собиралась. Хотела спросить, что отец ему рассказал. — Ладно. Тогда увидимся завтра. Если ты сможешь.

Я стараюсь говорить проще, без обиды, но Кирилл всё равно слышит.

— Мам, не начинай. И на Викторию не надо всё валить. Она вообще-то мне помогла.

Я выпрямляюсь на стуле. Жанна что-то спрашивает, но я жестом прошу её помолчать.

— Когда помогла? — спрашиваю я.

Кирилл молчит. Я слышу, как кто-то рядом хлопает дверцей шкафчика. Потом он отходит, шум становится тише.

— Я у неё был. Два раза. Папа возил.

Я смотрю на Жанну. Она видит моё лицо и перестаёт размешивать чай.

Павел водил к ней нашего сына. К женщине, с которой я вчера застала его в кабинете. А я даже не знала.

.Глава 6. Она разговаривала с нашим сыном

— Папа возил тебя к ней? — переспрашиваю я. — И ты мне ни разу… Кирилл, почему ты мне не сказал?!

Он сразу замолкает. Я слышу в трубке чьи-то шаги. Хочется спросить, находился ли Павел у неё в кабинете, пока она разговаривала с сыном, о чём они говорили, что она могла ему внушить. Всё сразу, не давая Кириллу вставить слово.

Я ухожу с телефоном в маленькую комнату, закрываю дверь. Жанна остаётся на кухне. Не могу сейчас объяснять ещё и ей, почему кричу на сына.

— Потому и не сказал, — отвечает Кирилл наконец. — Ты бы сразу начала. Вот как сейчас.

— Как сейчас?! Я узнаю, что моего сына… — Останавливаюсь, потому что едва не говорю «таскали к ней». — Что ты ходил к ней, а я вообще ничего не знала!

— Папа знал. Он предложил. Это что, не считается?

Меня передёргивает. Он сейчас защищает отца — передо мной. А я даже не могу сказать ему: «Ты знаешь, кого он для тебя выбрал?» Он знает. И всё равно считает, что Виктория помогла.

— Ты разговаривал с ней один? — спрашиваю я.

— Один, — отвечает Кирилл. — Папа ждал. Не в кабине-

те. Что ты сейчас хочешь услышать?

Я хочу услышать, что ему там не понравилось. Что он больше к ней не пойдёт. И стыжусь этого: сын говорит, что ему стало легче, а я хочу, чтобы он злился вместе со мной.

— Когда вы ездили?

— В декабре. И в марте, — отвечает он. — Точных чисел не помню.

Два раза. Я прижимаю ладонь ко рту, прежде чем задать следующий вопрос.

— И о чём вы говорили? — начинаю я.

— Мам! — Он перебивает, уже сердито. — Я тебе сейчас должен всё рассказать? Прямо всё? Ты же сама говорила, что психологу можно доверять!

Я закрываю глаза. Говорила. И сын слышал. От меня же слышал, что здесь можно не стыдиться своих мыслей.

— Нет, всё не должен, — отвечаю я. — Прости. Я просто… Мне страшно, Кирилл.

— А мне с тобой тогда было тяжело, — говорит он. — Папа сказал, если я не могу объяснить, можно поговорить со специалистом. И я смог.

Я сажусь на край дивана. Хочется сказать: а почему ты не со мной говорил? Но он ведь пытался. Про оценки, про мои звонки, про друзей, которых я почти не знала и уже не одобряла.

— Это она тебе сказала? Про мой контроль?

— Я сам ей это сказал! — выкрикивает он. — Я тебе

сколько раз говорил! С оценками, с друзьями, со всем! Я могу хотя бы один раз куда-нибудь поехать, чтобы ты не решала за меня?

Я понимаю, о какой поездке он говорит. Весной были соревнования в другом городе. Он принёс бумажку от тренера, я увидела слова про ночёвку и сразу отказала. Потом выяснилось, что для их группы поездка была на один день, ночевали старшие ребята. Но к тому времени Кирилл уже наговорил мне грубостей, я разозлилась и запретила из-за его тона.

— Я тогда испугалась, — говорю я. — Там было про гостиницу, а ты…

— Я пытался объяснить! Ты даже не слушала! Сказала, что я всё выдумываю, лишь бы уехать!

Я прикусываю губу. Помню, как хлопнула по столу и велела не разговаривать со мной в таком тоне. Даже не посмотрела бумагу второй раз. Он швырнул её и ушёл к себе, а я решила: пусть сначала извинится.

— Ты прав, я не разобралась, — произношу я. — Надо было тренеру позвонить. Или тебя дослушать.

— А мне от этого сейчас что? — спрашивает он. — Ребята съездили. Я дома сидел.

— Знаю. Прости меня.

Кирилл молчит. Я чуть не добавляю: «Но ты тоже нагрубил». Он как раз ждёт этого, я слышу по тому, как резко он вздыхает.

— И всё равно ты сейчас про Викторию начнёшь, — го-

ворит он. — Я про нас с тобой вообще говорил.

— Я тебя услышала, Кирилл. Поездку запретила я. Только… — Я тру лоб, пытаюсь договорить без крика. — Она встречается с твоим отцом. Как мне теперь поверить, что она вам обоим советовала, когда речь заходила обо мне?

Кирилл молчит чуть дольше. Потом говорит, что ему пора: отец приехал. Я прошу набрать, когда будет дома. Он обещает, голос совсем глухой. Мы прощаемся, и я остаюсь стоять с телефоном у уха, хотя вызов уже закончился.

Жанна стучит, спрашивает, можно ли войти. Я открываю. Она не лезет с вопросами, только протягивает стакан воды.

— В декабре и марте, — говорю я. — Паша возил. Я думала, они только на тренировки ездят. Даже не спросила, куда ещё.

— Ты сейчас себя за это ругаешь? — Жанна смотрит на меня почти сердито. — За то, что поверила мужу?

Я отставляю воду. В центре он приводил сына к ней, дома уже всё ему рассказал про разъезд. А я всё ещё не знаю, что отвечать на очередной звонок.

— Мне нужен адвокат, — говорю я. — Я не знаю, что он ещё сделал.

Жанна даёт номер Ларисы Орловой: та вела развод её знакомой. Мы договариваемся на утро.

На следующий день я поднимаюсь к Ларисе в кабинет над аптекой. Держу под мышкой папку с договорами центра — забрала их, когда собирала вещи.

Лариса открывает дверь сама. Короткая стрижка, очки на тонкой цепочке. Показывает, куда сесть, и просит начать с того, чего я хочу.

— Я хочу развестись, — отвечаю я. Потом добавляю, уже тише: — И не потерять сына.

На слове «сына» замолкаю. Лариса ждёт, не торопит меня следующим вопросом.

Рассказываю о Виктории, о вчерашнем звонке Кириллу. Прошу проверить, могла ли она вообще с ним разговаривать. Лариса уточняет даты, потом возвращает меня к жалобе.

— Сам факт консультаций сына пока не доказывает, что ему причинили вред. Нужно разобраться с условиями и документами. А скрытые отношения с его отцом — серьёзное обстоятельство. Это обязательно укажите.

— Она может написать, что я плохая мать? — спрашиваю я. — Паша ей всё рассказывал. И я тоже. Она знает, как мы с Кириллом ссорились.

От произнесённого «плохая мать» хочется оправдываться перед Ларисой. Перечислить всё, что я делала за шестнадцать лет, хотя она меня ни в чём не обвиняла.

— Вы боитесь, что эти сведения используют в споре о проживании? — уточняет она.

Я киваю, комкаю в кармане салфетку.

— Он хочет остаться с отцом. Вчера сказал, что там нормально. Что от меня устал.

Я произношу последнее почти шёпотом. Лариса не начи-

нает уверять, что дети всегда любят мам. Пододвигает блокнот и записывает возраст Кирилла.

— Его желание важно. Но ваш развод, его проживание и претензии к центру нужно рассматривать отдельно. Не соглашайтесь отдать имущество за обещание, что сын будет с вами. И не позволяйте связывать ваше согласие на условия Павла с тем, хорошая ли вы мать.

Я хочу спросить про квартиру, но вспоминаю Кириллов голос.

— А если он потом вообще перестанет со мной общаться?

— Не просите его сейчас доказывать, что он на вашей стороне, — говорит Лариса, наклоняясь ко мне. — Не расспрашивайте об отце так, чтобы мальчик стал вашим свидетелем. Вы можете защищать себя и без этого. А с сыном придётся разговаривать о вас двоих.

— Почему опять я должна молчать? — вырывается у меня. — Паша водит его к любовнице, рассказывает, какая я трудная. А я должна делать вид, что всё нормально?!

Лариса снимает очки.

— Не должны. Ругайтесь с Павлом, требуйте объяснений. Только Кирилла между вами не ставьте. Ему шестнадцать, Дарья.

Я смотрю на папку. Вчера чуть не спросила сына, кто ему больше нужен. Хорошо, что не сказала вслух.

— Присылайте всё, что Павел предложит подписать, — продолжает Лариса. — Особенно если будет торопить. По-

смотрим вместе.

Она записывает, какие документы понадобятся. Я убираю лист в папку и благодарю. На выходе впервые за утро вспоминаю, что так и не позавтракала.

Сообщение от мужа приходит, когда я спускаюсь по лестнице. «Предлагаю пока разъехаться без скандалов. Посмотри, это всем будет лучше».

Я открываю вложение, стоя у окна между этажами. В нём несколько пунктов: я временно живу отдельно, Кирилл остаётся в квартире с отцом, расходы на него Павел берёт на себя. Ни слова о том, что мне нужно. Даже срок моего отсутствия сформулирован так, будто мы уже об этом поговорили.

Я перечитываю дату: сегодняшняя. Внизу уже есть место для наших подписей, по дням расписано, когда я могу видеться с сыном.

Когда он успел это подготовить? Пока я вчера сидела в комнате у Жанны? Или ещё раньше, пока продолжала извиняться перед ним?

.Глава 7. Они были знакомы раньше

Я пересылаю проект Ларисе. Пишу, что не соглашалась на такой порядок встреч с сыном. Потом ещё раз открываю приложение и смотрю на место для своей подписи. Паша, оказывается, успел решить, где я буду жить и как часто видеть Кирилла.

На улице звоню мужу. Он отвечает с обычного «Да, Даш?», и меня передёргивает. Я стою у аптеки с папкой под мышкой. Мимо проходят люди, приходится отойти к стене, чтобы не толкали.

— Я ничего подписывать не буду, — говорю я. — Ты даже не спросил, что мне нужно.

— Это временно. Чтобы все немного успокоились. Мы же должны как-то…

— Я пришлю ответ через адвоката, — говорю я.

— Адвокат? — Павел уже не пытается говорить мягко. — Зачем тебе адвокат? Мы сами не можем решить?

— Пока ты решил только за меня.

Я заканчиваю вызов и еду к Жанне.

Жанна ушла по делам, оставила на кухне хлеб и записку: «Поешь». Я делаю бутерброд, открываю ноутбук.

На экране всё ещё открыта страница центра. Вчера иска-

ла имя Веденина, а потом не закрыла. Виктория улыбается с большого баннера. Под фотографией написано, скольким семьям помогли её консультации.

Я вспоминаю, как Павел показал мне эту страницу в августе. Мы сидели дома после очередной ссоры. Я сказала, что не хочу выкладывать чужой женщине всю нашу жизнь. Он ответил, что нам уже самим не справиться. Коллега посоветовал Ланскую, известная, помогла его знакомым. Я тогда даже устыдилась: муж предлагает спасать брак, а я сопротивляюсь.

Он сам нас записал, оплатил первую встречу. Я даже Жанне тогда позвонила: Паша хочет сохранить семью, сам занялся! Теперь смотрю на баннер и пытаюсь вспомнить, хоть что-нибудь он говорил про Викторию до того вечера?

На первом сеансе Виктория попросила рассказать, чего я хочу. Я ответила: чтобы он снова приходил домой с радостью. Она спросила, что я сама для этого делаю. Павел сидел рядом, положив ладонь мне на спину. Я сразу начала вспоминать, в чём виновата.

Перехожу к старым новостям центра. Выступления, интервью. Включаю видео — и сразу закрываю. Не могу слушать, как она снова учит кому-то доверять.

Мне нужно писать жалобу. Лариса прислала несколько замечаний, просит не заменять факты предположениями. Я набираю дату первой встречи, имя мужа, фамилию Виктории. Потом стираю предложение про обман в течение вось-

ми месяцев. Я знаю, что ходила восемь месяцев. Когда она начала с ним спать, не знаю.

Отодвигаю жалобу. Если Паше посоветовал коллега, может, Виктория выступала у них в компании? В старых публикациях попадаются деловые мероприятия. Листаю назад: март, январь, прошлый ноябрь. Уже собираюсь закрыть страницу, когда вижу фотографию с июльского форума.

Я открываю снимок крупнее. Несколько человек стоят возле стенда. Виктория в красном платье, рядом мужчина в светлом пиджаке. У него в руках папка, на груди бейдж. Мой муж.

Я увеличиваю снимок. Да, Паша, ошибки быть не может. Они были знакомы ещё до нашего первого сеанса! А мне он про форум ни слова не сказал.

Я помню эту командировку. Почти сутки не могла дозвониться до Паши. Сначала переживала: он обычно хотя бы сообщение присылал. Потом разозлилась. Когда ответил, спросила, трудно ли было найти минуту. Он сказал, что я не даю ему даже из другого города спокойно работать.

Тогда я извинилась: решила, что и правда сорвала на нём тревогу. Теперь проверяю дату фотографии ещё раз.

Сохраняю фотографию вместе с датой страницы. Лариса права: это ещё ничего не доказывает про роман. Но знакомы они были. Паша выбрал именно её и решил мне об этом не говорить.

Звоню ему. Он просит прислать, о чём речь, я отправляю

снимок. Потом сам перезванивает.

— Ну да, я там был. Даша, у тебя теперь вся жизнь будет вокруг поиска чего-нибудь про меня?

Я прижимаю телефон сильнее.

— Ты знаком с ней с июля?!

— Мы встретились на форуме, — отвечает Павел. — Не надо кричать. Там полно народу было.

Я отодвигаю ноутбук: до боли упёрлась запястьем в его край. Он даже отпираться не стал. Всё это время знал, что солгал мне, и не видел в этом ничего особенного.

— Ты мне сказал, что коллега посоветовал!

— Он и посоветовал, — возражает муж. — И я знал, что она хороший специалист. Одно другому не мешает.

— Ты сам её знал, Паша!

Он выдыхает в трубку. Знакомо: сейчас скажет, что уже всё объяснил, а я никак не успокоюсь.

— Почему ты скрыл, что вы знакомы? — произношу я наконец.

— Потому что ты бы начала вот это! — раздражается он. — Ты и сейчас фотографию превратила в непонятно что.

— Потому что сейчас я видела, как ты её целуешь! — Я больше не пытаюсь говорить тише. — Ты понимаешь вообще, что сделал? Отвёл меня к женщине, с которой знаком, и даже не сказал!

— Приезжай вечером, — говорит он. — Так мы опять только поругаемся.

Я почти отказываюсь. Но по телефону он просто закончит разговор, а я опять останусь со своим «когда».

— Кирилл будет дома? — спрашиваю я. При нём я про форум говорить не хочу.

— На тренировке. Задержится сегодня.

Я соглашаюсь приехать до его возвращения.

Вечером еду в семейную квартиру. По дороге снова и снова прокручиваю разговор о коллеге. У подъезда приходится несколько минут посидеть, прежде чем выйти.

На кухне муж готовит чай. Достаёт мою обычную чашку. Я не беру, остаюсь возле стола с телефоном в руке. Он ставит чашку перед пустым стулом.

— Даш, сядь. Ну чего ты стоишь?

— Ты с ней уже тогда спал? — спрашиваю я, оставаясь у двери.

Павел перестаёт наливать воду.

— Нет. Я тебе сказал, это началось недавно.

— Когда именно? — Я не отхожу от двери.

Павел ставит чайник на подставку. В комнате жарко, окно закрыто. Я не снимаю жакет, хотя блузка уже липнет к спине. Не хочу здесь устраиваться. Пришла получить ответ и уйти.

— Почему тебя так волнует дата? — спрашивает он. — Это что-то изменит?

— Для меня изменит!

Он качает головой. Я ставлю телефон на стол, разворачиваю к нему фотографию.

— Здесь июль. В сентябре ты привёл меня к ней. Ты можешь хотя бы сейчас сказать правду?!

— Я и говорю! — Павел отодвигает телефон. — Ничего тогда не было. Понравилась мне как человек, мы общались. Но роман начался потом.

— После первого сеанса? После десятого? Паша, после какого?!

Он смотрит в сторону прихожей. Я тоже прислушиваюсь, но там тихо. Кирилл не вернулся.

— Я не собираюсь разбирать с тобой календарь, — говорит он. — Тем более наши интимные отношения с Викторией.

«Наши интимные отношения». Он защищает их от меня. А я перед ней выворачивалась наизнанку, отвечала на то, о чём с подругой бы не заговорила. Меня мутит, и я опираюсь на стол.

— А мои вы разбирали? — спрашиваю я. — То, что я ей рассказывала? Вдвоём потом обсуждали?

— Даша, прекращай. Ты себя накручиваешь.

— Не говори мне больше этого! — Я хватаю со стола телефон. — Ты знал её. Сам выбрал. Сам привёл меня…

Я замолкаю. Мне приходит в голову такое, что страшно произнести.

— Ты специально меня к ней привёл? — произношу я.

Павел не сразу отвечает.

— Нет. И я больше не буду разговаривать в таком тоне.

Я не ухожу сразу. Жду, что он скажет ещё хоть что-нибудь. Назовёт месяц, объяснит, когда всё изменилось. Но Павел стоит и молчит. И я впервые допускаю: он мог уже спать с ней, когда записывал нас на первый сеанс.

.Глава 8. Выйдите из кабинета

Павел проходит мимо меня к прихожей. Хочет открыть дверь, закончить разговор. Я успеваю первой. Не буду ждать, чтобы он ещё и выпроводил меня из собственной квартиры.

На лестнице достаю телефон, звоню Жанне. Говорю, что сейчас вернусь. Она спрашивает, поела ли я, и я неожиданно начинаю плакать. Паша приготовил мне чай, даже чашку достал. Совсем как обычно. Ему только не хотелось отвечать, когда он стал спать с нашим психологом.

На следующее утро заканчиваю жалобу за Жанниным столом. Убираю «намеренно»: доказать не могу. Пишу про июльский форум и про то, что Павел подтвердил знакомство. Дохожу до поцелуя и долго не могу набрать следующую строчку. Потом всё-таки дописываю, как вернулась за телефоном.

Про историю с тапками всё-таки рассказываю Ларисе. Она не смеётся, не спрашивает, зачем я вообще её вспоминала. Говорит, что в жалобе достаточно обозначить содержание и время индивидуальной встречи. Саму историю можно описать без лишних семейных подробностей.

Кирилловы консультации тоже указываю: узнала о них от сына, даты названы им. Ничего про то, что именно он говорил Виктории. Ему и так сейчас тяжело. Я обещала, что не стану вытаскивать из него всё, что он предпочёл мне не рас-

сказывать.

Перед поездкой проверяю сумку: два экземпляра обращения, копии договоров, распечатка фотографии. Оригиналы оставляю у Жанны.

В центре меня снова проводят к Веденину. Он закрывает рабочую папку, пока я раскладываю бумаги. Из открытого окна тянет запахом скошенной травы. На парковке под окном включается и вскоре замолкает сигнализация.

— Вы подготовили обращение, — говорит Веденин.

Я придвигаю к нему первый экземпляр.

— Да. И я хочу, чтобы мне подтвердили, что его приняли. В прошлый раз вы уже знали, что скажет Виктория. Я больше не хочу уходить просто с адресом почты.

Он смотрит на меня, потом берёт документы.

— Ваш экземпляр вернём с отметкой. Можно я сначала прочту?

Я киваю. Пока он читает, замечаю, что у меня дрожит колено. Прижимаю к нему ладонь. Вчера так хотела сюда прийти, а сейчас хочется забрать бумаги и убежать, прежде чем он начнёт объяснять, чего ещё не хватает.

Константин останавливается на фотографии.

— Июль прошлого года? — спрашивает он.

— Дата есть на странице. Павел подтвердил, что познакомился с ней там. А мне говорил, что специалиста посоветовал коллега.

— Это подтверждает прежнее знакомство, — произносит

Веденин. — Дату начала отношений оно само по себе не устанавливает.

— Знаю, — отвечаю я слишком резко. — Мне адвокат уже объяснила. Я не требую написать, что они спали вместе с июля. Я хочу, чтобы проверили, почему от меня скрыли знакомство. И какие мои слова оказались у мужа.

Он откладывает фотографию, возвращается к пункту про индивидуальные встречи.

— Договоры и согласия сохраним отдельно. Доступ к спорным материалам должен быть ограничен на время проверки. Вы получите сведения о порядке рассмотрения, чтобы не выяснять каждый раз через администратора.

— Она сможет что-нибудь удалить? — спрашиваю я. — Пока вы будете решать, кто проверяет?

— Я распоряжусь сохранить материалы сегодня. И ограничить доступ.

Я чуть отпускаю ручки сумки. Хоть это. Со вчерашнего дня боюсь, что к моей жалобе уже нечего будет приложить.

Дверь открывается без стука.

— Костя, мне сказали, что Дарья у тебя.

Виктория входит с телефоном в руке. Тёмный жакет, тонкая цепочка на шее. Я смотрю на цепочку и вижу, как она одёргивала блузку после Пашиного поцелуя. Сразу хочется встать, уйти подальше. Я крепче держусь за сумку: нет уж, не уйду.

Константин встаёт.

— Сейчас я принимаю обращение. Мы поговорим позже.

Она останавливается напротив меня, улыбается, словно я вернулась после трудного сеанса.

— Дарья, я понимаю, что вам сейчас хочется действовать быстро. Но мы ведь говорили, как важно сначала справиться с сильными эмоциями.

Меня бросает в жар. Сейчас она при нём заговорит о моей ревности, слезах, обо всём, что знает. Я уже почти слышу: «Вы же сами признавали…»

— Мы с вами больше ничего не обсуждаем, — отвечаю я. — Я пришла к руководителю.

— Я вижу. Просто мне хотелось бы напомнить о последствиях решений во время кризиса. У вас дети, Дарья. Наши восемь месяцев работы…

— Не говорите про моих детей! — Я вскакиваю, почти опрокидываю стул. — Вы с моим сыном разговаривали! Я даже не знала, что он сюда ходит!

Виктория перестаёт улыбаться, бросает взгляд на открытую дверь. Я тоже слышу шаги в коридоре. Понимаю, что меня слышат, и всё равно не могу говорить тише.

— Кирилл пришёл с отцом, — отвечает она. — У него были реальные трудности в отношениях с вами. Я не могу сейчас раскрывать содержание…

— Я не спрашиваю содержание! — перебиваю я. — Я спрашиваю, как вы вообще…

— Виктория, выйди из кабинета, — произносит Констан-

тин.

Он стоит возле двери, смотрит на свою партнёршу. Я не успеваю договорить.

— Костя, это касается моей профессиональной работы. Мне нужно объяснить…

— Обращение подано на тебя, — останавливает её Константин. — Ты не будешь вмешиваться в его приём.

Она смотрит на бумаги у него на столе. Потом переводит взгляд на меня. Мне хочется прикрыть жалобу ладонью, хотя прятать уже нечего. Всё написано именно про неё.

— Дарья может неправильно понять наше решение, — говорит Виктория. — Я пытаюсь предотвратить дальнейшее ухудшение ситуации.

Константин открывает дверь шире.

— Я попросил тебя выйти. Разговор окончен.

Виктория поворачивается к нему всем корпусом. На меня больше не смотрит.

— Ты при клиентке со мной так разговариваешь?

— Выйди, Виктория, — повторяет он. Руку с дверной ручки не убирает.

Я стою рядом со стулом, всё ещё готовая возражать. Но Виктория больше не обращается ко мне. Поправляет ремешок часов, тянет с ответом.

— Хорошо, — отвечает она наконец. — Мы поговорим отдельно.

Проходит мимо меня, не прощаясь. Я чувствую запах её

духов и отодвигаюсь, задевая край стола. Константин закрывает дверь и остаётся у неё ещё на секунду.

Я опускаюсь на стул. До сих пор колотится сердце. Он заставил её уйти. Не попросил меня успокоиться, не позволил ей продолжить. Хочется поблагодарить, но я пока не могу выговорить ни слова.

— Она всегда будет вот так приходить? — спрашиваю я.

Веденин возвращается к столу.

— Нет. Ей сообщат порядок взаимодействия. Ваше обращение передаётся на независимую проверку. Я обеспечиваю сохранение документов, но не буду устанавливать, какие из ваших претензий подтверждены.

— Даже если она ваш партнёр? — спрашиваю я.

— Именно с этим связано моё отстранение от рассмотрения жалобы. Вы сможете связаться с проверяющим специалистом напрямую. Я не буду читать ваши личные консультации, чтобы составить собственное мнение о вашей семье.

— Не будете читать? — Я переспрашиваю, прежде чем успеваю удержаться.

Константин качает головой.

— Мне это не нужно для организации проверки.

Я отворачиваюсь к окну. После истории с тапками успела представить, как мои рассказы здесь обсуждают все. И его тоже. От того, что он сам заговорил об этом, немного отпускает.

— Мне надо знать, что с ними сделали, — говорю я. — С

записями. С тем, что я рассказывала.

— Это указано в обращении, — отвечает он. — Вам должны дать ответ по существу. Если потребуется уточнение, специалист его запросит. Через вас или через вашего адвоката.

Я передаю контакты Ларисы. Константин вызывает сотрудницу зарегистрировать документы, наливает мне воды. Горло саднит после крика, я выпиваю почти весь стакан.

Когда приносят мой экземпляр с отметкой, проверяю дату и убираю его в папку. Уже в машине звоню Ларисе: обращение приняли.

Вечером Павел присылает новый файл. «Раз уж ты привлекаешь адвокатов, предлагаю сразу урегулировать имущество».

Открываю его за Жанниным столом. Квартира — Павлу. Загородный дом — мне. Ему квартира за шестнадцать миллионов, мне дом примерно за девять и часть свободных денег. Про остальные накопления написано так, что я не понимаю, сколько вообще он собирается мне отдать.

Жанна спрашивает, что он написал. Я разворачиваю к ней экран и показываю первый пункт.

— Квартиру себе хочет. Я на несколько дней ушла, а он уже решил, что насовсем.

.Глава 9. Ты ещё и дом у меня заберёшь?

Я читаю проект ещё раз, уже медленно. Против квартиры указано имя Павла. Против загородного дома — моё. И внизу место, где я должна подписать, что согласна.

Жанна садится рядом, придвигает экран. Молча дочитывает первый лист.

— Ты Ларисе отправила?

— Сейчас отправлю, — отвечаю я Жанне.

Я отправляю файл, но закрыть его не могу. Там наши фотографии, книги, посуда, которую выбирали ещё до рождения Кирилла. Как всё это собирать? Что сказать сыну, когда начну выносить коробки?

Лариса принимает меня на следующий день. Я приношу распечатку и кладу её на стол. Она читает, отмечает карандашом несколько мест.

— Вы готовы рассматривать такой вариант? — спрашивает она.

— Если я откажусь, он скажет, что я не думаю о Кирилле.

— Павел скажет. А вы чего хотите? — Лариса оставляет карандаш на листе и ждёт.

За открытым окном разгружают коробки, громко переговариваются. Я смотрю на зачёркнутые строчки в распечатке.

Хочется попросить, чтобы она сама сказала, как правильно. Чтобы мне больше не пришлось решать.

— Я хочу остаться в квартире, — говорю я наконец. — Я там живу. Работала, пока мы за неё платили. У нас всё общее. Но Кирилл хочет жить с папой.

— Его желание не означает, что вы обязаны передать Павлу квартиру, — отвечает она. — Это нужно обсуждать отдельно. В проекте предлагается неравноценный раздел. Причём накопления толком не указаны.

Я придвигаю к ней лист.

— Он написал, что отдаст часть свободных средств. Это что значит?

— Пока непонятно, — отвечает Лариса. — Нужны точные суммы по счетам, список остального имущества и долгов. Нельзя согласиться на «часть», не зная, сколько всего есть.

Я вспоминаю накопительный счёт. Паша давно им занимается. Переводит деньги, выбирает, где выгоднее держать. Я знала, сколько мы собрали, но в последнее время даже не смотрела. Виктория говорила, что необходимо доверять ему и в финансовых вопросах. Паша после этих разговоров сердился, если я спрашивала про очередное вложение.

— У нас были сбережения, — говорю я. — Мы много лет собирали. Он мог их уже куда-нибудь перевести?

— Это выясним по документам. Сейчас не соглашайтесь с неполным описанием имущества. И не обещайте ему под-

писать, чтобы он перестал звонить.

— Он говорит, я усложняю всё детям, — признаюсь я. — Вчера уже хотела ему написать, что согласна обсуждать. Хотя как я буду в том доме жить, даже не представляю.

— Я не хочу судиться годами, — признаюсь я.

— Я тоже не предлагаю сразу начинать со всех возможных споров, — отвечает Лариса. — Можно вести переговоры. Но с понятными условиями. Сейчас подготовим ответ и запросим недостающие сведения.

Лариса подчёркивает неопределённые суммы, возвращает распечатку. Я просматриваю пометки и узнаю вопросы, которые раньше сама задала бы Паше. До того, как мы начали ссориться из-за каждого разговора о деньгах.

На улице Павел перезванивает почти сразу, как я сообщаю, что получила консультацию. Мы ещё не обменялись никакими официальными ответами, а он уже хочет знать, «что теперь».

— Соглашение мне не подходит, — говорю я. — Лариса пришлёт замечания.

— Что значит не подходит? Дом хороший, ты сама любишь там жить.

— Летом! — Я останавливаюсь возле своей машины. — На выходных! Я не хочу каждый день ездить оттуда на работу. И до школы Кирилла сколько? Ты об этом подумал?

— Кирилл останется здесь. Я уже написал. Ему не надо ничего менять.

Я останавливаюсь у открытой двери машины. Сесть не получается: так трясёт от его уверенного «я уже написал».

— А мне надо? — спрашиваю я. — Ты вот так решил за меня?

— Даша, кто-то должен сохранить привычную жизнь ребёнку. Ты сама уехала.

— На несколько дней! — Я сжимаю телефон. — Потому что не могла смотреть на тебя после того, что ты сделал!

Павел шумно вздыхает в трубку.

— Даша, хватит уже! Ты хочешь сына отсюда вытащить? Он просил оставить его дома. Мне сказал, тебе сказал. Что ещё надо?

Мне страшно. Вот сейчас Павел сообщит Кириллу, что мама опять всё усложняет. Я не увижу лица сына, не смогу сразу объяснить. Он перестанет отвечать на мои звонки, а я буду сидеть у Жанны и спрашивать через Пашу, как у него дела.

— Я не хочу его никуда тащить! — отвечаю я. — Причём тут моя часть квартиры? Я ведь могу…

— Что ты можешь? — перебивает муж. — Заставить нас съехать? Продать всё? Дом тебе не нравится, деньги не устраивают. А ему потом куда?

— Я не говорю, чтобы вы съезжали… — начинаю я и замолкаю. Опять оправдываюсь. Уже почти обещала оставить ему квартиру, лишь бы не сердился и не втягивал Кирилла.

— Даш, подумай, — продолжает муж, пока я молчу. —

Ему вещи из своей комнаты собирать, ты понимаешь? Ты же сама в детстве…

— Не надо! — Я перебиваю прежде, чем он договаривает. — Не трогай это. И не делай вид, что квартира только для Кирилла. Ты там тоже собираешься жить.

— А где мне жить? — возмущается муж. — Дарья, у тебя есть возможность уйти без войны. Зачем ты сама её начинаешь?

Я сажусь в машину, закрываю дверь. Теперь хотя бы прохожие не будут слышать, как я спорю. Паша всё ещё говорит, объясняет, что никто не хочет причинить мне вред.

— Я ничего не подпишу сейчас, — отвечаю я. — И сегодня больше не буду обсуждать.

Открыв чат Кирилла, набираю: «Я не собираюсь тебя никуда выселять». И стираю. Он в школе, он вообще не спрашивал меня про квартиру. Убираю телефон, прежде чем успеваю написать ещё что-нибудь.

У Жанны нахожу среди привезённых бумаг тетрадь для терапии. Серую, на спирали, с маленьким кофейным пятном на обложке. Виктория советовала писать от руки. Говорила, что так лучше слышишь себя. Я исправно приносила её на индивидуальные встречи.

Открываю сентябрь. «Мне обидно, что Павел отменяет планы и не предупреждает». Следом: «Когда прошу помощи, он сердится». Я написала тогда несколько страниц. Виктория читала, спрашивала, как я сама веду себя в этих ситу-

ациях. Я старалась отвечать честно.

В октябре уже подчёркнуто: «Я плохо переношу, если не знаю, где он». На следующей странице список того, как я могу занять вечер, чтобы не ждать мужа. Я перечитываю и злюсь. А если он обещал прийти? Если я приготовила ужин? Об этом тоже надо было забыть и найти себе занятие?

Одну запись я обвела. Съела ужин одна, не стала ждать, легла спать. Виктория тогда похвалила меня. А Пашу спросила, почувствовал ли он, что я стала меньше на него давить.

Листаю дальше. «Не задавать вопрос сразу с порога». «Не обижаться, если ему нужно побыть одному». «Не ставить заботу в упрёк». Несколько страниц подряд — что я должна в себе изменить. А где про него? Я возвращаюсь к октябрю, потом к ноябрю. Одно и то же.

Я ведь старалась. Бывало, всю ночь сочиняла, как утром спрошу без претензий. Он отвечал, я кивала и потом ещё записывала, что получилось хорошо.

Хочется позвонить Виктории и прочитать всё по порядку. Спросить, куда я должна была деть злость в тот вечер, когда она целовала моего мужа. Я открываю её контакт и тут же закрываю. Она опять найдёт слова. Я сейчас не выдержу.

Жанна приходит на кухню, ставит чайник. Я не прячу тетрадь, хотя обычно закрывала её даже от Паши. Мы с подругой несколько минут молчим. Она режет хлеб, я листаю дальше.

— Это всё ты писала? — спрашивает она, заметив плот-

ные страницы.

— Да. Она задавала, я писала. Как в школе.

Жанна не улыбается. Я тоже. Перелистываю страницу, потому что показывать подруге остальные задания не хочу.

На апрельской странице нахожу знакомый заголовок. «Письмо детям на случай временного разъезда». Ниже дата и слова Виктории, которые я тогда записала: представить, что ненадолго уезжаю и даю близким отдохнуть.

Я не переворачиваю страницу. Вспоминаю, как Виктория диктовала начало задания, и лезу в кармашек на задней обложке. Письмо должно быть здесь.

.Глава 10. Почему ты видел моё письмо?

Письмо лежит в кармашке на задней обложке тетради. Два отдельных листа, сложенные пополам. Я достаю их, разглаживаю на столе. Жанна убирает тарелку, чтобы я не испачкала бумагу маслом.

— Ты отправляла его детям? — спрашивает она.

— Нет. Это было упражнение. Виктория сказала, что сначала надо написать для себя.

Я помню тот апрельский вечер. Мы с Пашей поссорились из-за Кирилла. Муж решил, что я снова перегнула, сын ушёл в свою комнату. Я осталась на кухне и сказала Паше, что больше не могу так жить. Он ответил: если не можешь, перестань всем портить вечер.

Виктория предложила представить разъезд. Ненадолго, чтобы отдохнуть от ссор. Я сразу спросила про детей. Как оставить их, когда Кирилл почти не разговаривает со мной? Она ответила, что письмо поможет объяснить мои чувства.

На первой странице — как я устала. Как хочется собрать вещи, уехать и несколько дней ни с кем не ссориться. Сейчас читать больно, но я действительно этого хотела. Помню, как написала первую строчку и долго не решалась продолжить.

На втором листе написано, что я люблю детей. Что соби-

раюсь отдохнуть и вернуться к нормальному разговору. Что ни ссоры, ни усталость не заставят меня от них отказаться. Дальше несколько предложений про Кирилла: я знаю, что надо учиться давать ему больше свободы, хочу слышать его, а не только проверять.

Я фотографировала оба листа на этом же телефоне. По одному, чтобы почерк можно было разобрать. Отправила Виктории в переписке. Сейчас открываю чат, нахожу апрельскую дату. Два изображения подряд. Она ответила, что обсудим на встрече.

На встрече я снова объясняла Виктории: насовсем уезжать не собираюсь. Она спрашивала, почему мне трудно даже представить отдых без семьи. После разговора я убрала письмо в тетрадь. До сегодняшнего вечера не доставала.

— Я хочу дать Кириллу прочитать, — говорю Жанне. — Он думает, что мне нужен только контроль. Я ведь и тогда пыталась…

Я замолкаю. По телефону он раздражается, я начинаю оправдываться, и мы опять ссоримся. Может, хотя бы прочитает до конца?

Жанна смотрит на листы.

— Предложи. Только не заставляй.

Я звоню Кириллу. Он отвечает дома, слышно, как выключает какой-то ролик. Спрашиваю, может ли он встретиться завтра после школы. Сначала хочет отложить, у него тренировка. Обещаю, что ненадолго. В конце добавляю про пись-

мо: написала в апреле, для упражнения, хотела бы показать.

Он молчит. Я уже собираюсь сказать, что это необязательно, когда сын отвечает:

— Я его видел.

Я перестаю складывать бумагу. Жанна, услышав, как я резко вдохнула, выключает чайник.

— Где ты видел моё письмо? — спрашиваю я.

Кирилл вздыхает, тянет с ответом. Я крепче прижимаю телефон. Кто дал ему письмо? Он всё это время думал, что я собиралась уйти?

— Папа показывал. В апреле.

Я встаю, отодвигаю стул с таким шумом, что сын замолкает. Господи, Паша! Зачем ты это сделал? Почему не сказал мне, что дал ему читать?!

— Что именно он тебе показал?! — вырывается у меня. — Фотографии? Оба листа?

— Один, — отвечает Кирилл. — Мам, не кричи. Это же ты написала.

От его последних слов меня пробирает холодом. Он видел страницу, где я хотела уехать. Где была злой, уставшей и почти ничего не сказала о том, как люблю их. Вторую не видел. Всё это время думал, что я собираюсь уйти?

— Я написала два, — говорю я. — Два листа, Кирилл. Папа показал тебе только начало.

— Там было, что ты от нас устала.

— Я… — Я закрываю рот ладонью. Чуть не сказала, что

он неправильно понял. Да как ему ещё было понять, если Паша дал только этот лист? — Послушай меня, пожалуйста.

— Да, было, — отвечаю я. — Про усталость. Про то, что хотела ненадолго уехать. А продолжение у меня перед глазами. Прочитаешь?

Он не отвечает. В трубке слышно, как его зовёт отец.

— Погоди, пап! — бросает Кирилл в сторону. Потом возвращается к разговору со мной:

— Ладно, завтра. Только недолго.

— А с Викторией ты после этого говорил? Про письмо? — спрашиваю я.

— Нет! — сердится Кирилл. — Я же сказал, папа дома показал. В апреле. Я к ней тогда больше не ходил.

Мы договариваемся о кафе возле школы. Я кладу телефон и проверяю переписку с Викторией ещё раз. Оба снимка на месте. Паше не отправляла ни одного, тетрадь хранила в ящике. Откуда у него первая страница? И что он сказал Кириллу, когда показывал её?

К вечеру всё-таки сообщаю адвокату только то, что знаю: Кирилл видел фотографию первой страницы, показал отец в апреле. Я отправляла психологу обе. Переписка сохранилась. Лариса просит сохранить оригиналы и не передавать их мужу.

На следующий день прихожу в кафе у школы раньше Кирилла. Прошу протереть липкий стол: сюда надо будет положить письмо. Сижу над закрытой папкой, слежу за дверью.

Сын приходит с рюкзаком на одном плече. Я уже встаю, хочу обнять, но он проскальзывает к стулу.

— Мы надолго? — Кирилл оставляет рюкзак возле ног, под столом.

Я сажусь обратно. Придётся обойтись без объятий.

— Недолго. Поесть хоть успеешь? — Я пододвигаю ему меню.

Он выбирает картошку и снова смотрит в телефон. Я заказываю чай. Хочется спросить, почему он сам не позвонил вчера. Не спрашиваю — ещё не начали, уже испорчу встречу.

— Кирилл, вот, — говорю я, когда приносят еду. — Первую ты видел. А вторую нет.

Раскладываю листы рядом с тарелкой. Кирилл смотрит на первый, потом берёт второй. Читает, хмурится, возвращается к началу. Я отворачиваюсь к окну, чтобы не заглядывать ему в лицо. Чего жду? Что прочтёт и сразу обнимет меня?

— Папа сказал, тебе лучше пожить отдельно, — произносит он наконец. — Ты сама так хотела.

Я резко ставлю чашку. Чай выплёскивается на блюдце. Опять «папа сказал»! Сын смотрит на меня, и я заставляю себя ответить ему, а не отсутствующему Паше.

— Я хотела побыть одна. Несколько дней. Выспаться, успокоиться. — Я показываю ему конец второго листа. — Но вернуться, Кирилл. Я это тогда же написала. Я никуда от тебя не собиралась уходить.

Он кладёт листы, разглаживает верхний край первого. Не

поднимает на меня глаз.

— Ты и без письма говорила, что устала от нас.

Мне больно, потому что помню. У двери его комнаты, после ссоры о телефоне. Сказала, что меня всё достало. Потом хлопнула дверью. Я имела в виду ссоры, но сын слышал совсем другие слова.

— Говорила, — признаюсь я. — Я тогда на вас обоих злилась. Наговорила… Прости.

— А теперь пишешь, что любишь.

Он не смотрит на меня, подбирает с тарелки картошку. Я тянусь к его руке и останавливаюсь.

— Так я люблю тебя. И тогда любила. Даже когда орала. Только ты этого не должен был угадывать, конечно.

— Это не значит, что я всё придумал, — говорит он. — Что тебе со мной всегда было хорошо, а папа тебе плохое сказал.

— Ты ничего не придумал, — отвечаю я. — Я с тобой ссорилась. Кричала. За это я и прошу прощения. Но пусть бы папа дал тебе оба листа. Тут же совсем по-другому получается.

Кирилл поднимает глаза. Смотрит на меня и будто хочет что-то спросить, но передумывает. Я жду. За стойкой перемалывают кофе, приходится чуть наклониться к нему, чтобы слышать.

— Я не понимаю, зачем тогда ты писала, что уедешь, — произносит он. — А теперь говоришь, что нет.

— Я и сейчас уехала, — отвечаю я. — Пожить у Жанны. От тебя я не ушла. Я хочу встречаться, разговаривать. Даже если мы с папой будем жить отдельно.

Он прячет телефон в карман, достаёт рюкзак из-под стола, но не встаёт.

— Мам, мы про разъезд ещё в марте говорили, — сообщает он. — С Викторией. Она спросила, с кем я хотел бы остаться, если вы разведётесь.

Я смотрю на него. Письмо написано в апреле. Сына спросили раньше. Мне хочется задать сразу десяток вопросов, но он уже продолжает, почти не делая паузы:

— Я написал. Она сказала, можно написать, если вслух трудно.

Кирилл поднимает рюкзак на колени и смотрит мне в лицо.

— Я выбрал папу.

.Глава 11. Мама, я всё знал

Я смотрю на сына. Хочется спросить: а как же я? Он уже сжал ремень рюкзака, ждёт, что начну спорить. Я опускаю глаза на письмо.

— Ты и сейчас так хочешь?

Кирилл кивает.

— Да. Мам, я тебе уже сказал.

Я убираю листы в папку. Не знаю, что ответить, чтобы не расплакаться. Только и могу выговорить:

— Покажешь, что написал?

Сын обещает принести, потом вспоминает, что бумага дома. Договариваемся встретиться там после его тренировки.

Я киваю. Он уходит первым. За стеклом вижу, как бежит к остановке. Я остаюсь допивать холодный чай. Уже не могу придумать, что надо было сказать иначе.

Вечером приезжаю в квартиру. Павел открывает дверь прежде, чем я достаю ключ. Значит, ждал. В прихожей рамка снова стоит лицом к входу. Он поднял фотографию, которую я положила после того вечера.

— Хорошо, что ты приехала, — говорит муж. — Давайте сегодня спокойно. Без адвокатов, без крика.

Я снимаю туфли, не отвечая. На кухне Кирилл сидит за столом. Перед ним сложенный лист. Рядом папка Павла, ручка, распечатанное соглашение. Меня сразу обдаёт злостью. Я

приехала разговаривать с сыном. Паша приготовил подписи.

— Это убери, — говорю я, показывая на соглашение.

Павел не убирает папку.

— Мы же всё равно должны обсудить.

Я отталкиваю от себя ручку.

— Я приехала к Кириллу!

Кирилл отодвигается на стуле, и я сажусь. У плиты стоят горячие бутерброды, пахнет сыром. Сын поел, теперь сидит рядом с отцом, а я опять кричу. Паша даже голос не повысил. Он знает, как это выглядит.

— Покажешь? — спрашиваю я, обращаясь к сыну.

Он разворачивает лист. Почерк крупнее моего, несколько слов зачёркнуто. Вверху вопрос: с кем хотел бы жить, если родители решат разъехаться. Дальше его ответ. С папой меньше ссор. Папа даёт ездить на соревнования и гулять с друзьями. С ним не надо каждый день объяснять оценки.

Я дочитываю, хотя хочется остановиться после первой строки. Здесь даже про мой голос есть. Что я спрашиваю одно и то же, пока не получаю нужный ответ. Я вижу это в его почерке и вспоминаю, как ходила за ним из комнаты на кухню, потому что он отказывался разговаривать.

— Я это тогда написал, — говорит Кирилл. — Никто мне не диктовал.

Павел наклоняется к столу.

— Вот. Ты же видишь, он сам. Можно наконец перестать считать, что я настраиваю его против тебя?

Я возвращаю лист сыну. Даже сейчас хочется возразить: уроки почему-то проверяла я. Запрещала тоже я, а папа потом говорил, что мама перегнула. Но звонить тренеру он мне не мешал. Я сама не стала слушать Кирилла.

— Я не говорю, что тебе диктовали, — отвечаю я. — Я вижу, что ты сам написал. И я помню, как мы ссорились.

Хочется добавить: я всё делала ради тебя. Проглатываю. Ему от этих слов всегда становилось ещё хуже. Когда запрещала поездку, тоже говорила, что забочусь о нём.

— Ты думал, что я прочитаю это? — спрашиваю я.

Кирилл качает головой.

— Она сказала, чтобы я понял, чего хочу. Я не собирался тебе показывать. Папа потом спросил, что написано.

Павел быстро забирает свою папку с середины стола. Я смотрю на неё, потом на него. Он опять ждёт, что я сделаю из сыновьих слов удобный для него вывод.

— Кирилл может хотеть жить с тобой, — произношу я. — Но это не значит, что квартира достанется тебе. Мы отдельно будем обсуждать имущество.

Муж устало выдыхает, смотрит на Кирилла. Я сжимаю край сиденья. Только не начинай опять про то, как я мешаю ребёнку жить.

— Даша, ты опять возвращаешься к деньгам. Сын тебе объяснил. Что ещё надо?

Я не могу его дослушать.

— Ты принёс сюда соглашение! — Я показываю на папку.

— Ты связал его слова с квартирой! Я не буду это делать!

Кирилл встаёт, хватает свой лист. Хочет выйти, и я уже жалею, что не предложила поговорить без Паши. Но муж не даёт ему пройти, остаётся возле двери.

— Кир, подожди. Мы должны решить, как дальше жить. Иначе всё это продолжится месяцами.

Я отодвигаю стул.

— Пусти его, — говорю я. — Он не должен сидеть, пока ты предлагаешь мне подписать бумаги.

Павел отступает. Кирилл прислоняется к столешнице у мойки. Не уходит, но и к столу больше не садится.

— Я не собираюсь устраивать войну, — говорит муж. — Я предлагаю удобный вариант. Ты отказываешься, приходишь, всё снова начинается. Ему каково, ты подумала?

Паша смотрит на меня, ждёт ответа.

— Не надо говорить за него! — Я поворачиваюсь к Кириллу. — Скажи сам. Чего ты боишься сейчас?

Он смотрит на меня сердито.

— Что вы меня не оставите в покое. Вообще. Будете каждый раз про меня спрашивать, когда ругаетесь.

Я прикусываю губу. Сама только что попросила не втягивать его — и тут же потребовала ответа.

— Я не подпишу сегодня, — предупреждаю я. — И Кирилла больше не будем втягивать.

Муж закрывает папку.

— А если твой адвокат посоветует через суд? — спраши-

вает Паша. — Его там тоже спросят. Ему опять всё это придётся рассказывать. Про мать, про дом. Ты именно этого хочешь?

Меня трясёт. Кирилл стоит в двух шагах от нас, всё слышит. Паша уже пугает его судом и тем, что придётся говорить обо мне. И ждёт, что я уступлю, лишь бы сын не услышал ещё хуже.

— Когда ты начал обсуждать развод? — спрашиваю я мужа. — Ещё в марте? Тогда, когда я понятия не имела об этом?

Паша отвечает после короткой паузы.

— Мы обсуждали возможный разъезд. Ты сама о нём говорила.

Я вспоминаю кухонную ссору, своё «больше не могу». Он теперь будет этим отвечать на любой вопрос. Поворачиваюсь к сыну.

— Кирилл, почему ты мне не сказал? Про консультации. Про то, что вас с папой уже спрашивали, как вы будете жить без меня.

Кирилл разворачивает ко мне помятый лист.

— Нас не спрашивали! — вспыхивает он. — Меня спросили. И я не хотел очередную ссору. Что ты сейчас опять пытаешься выяснить?!

— Мне надо понять, что происходило, — отвечаю я. — Я ведь жила здесь. Встречала вас, ужин готовила. А вы уже… Почему мне никто ничего…

Сын перебивает меня.

— Потому что тебе было плохо! — выкрикивает Кирилл. — Ты всё время переживала! Что бы я сказал? Что я к ней сходил? Что я про папу знал?!

Я перестаю говорить. Сын стоит у мойки, сжимает лист так, что края загибаются. Павел резко поворачивается к нему.

— Кирилл, не надо сейчас…

Я встаю между ним и сыном.

— Что ты знал? — спрашиваю я.

Он смотрит на отца, потом на меня. Минуту назад он сердился. Сейчас смотрит на меня испуганно, ждёт, что я скажу.

— Я про них знал, — произносит он. — Мам, я знал, что они… Что папа с Викторией.

Я хватаюсь за край стола. В голове никак не укладывается. Кирилл знал? Сидел с нами за ужином, слушал, как я спрашиваю отца про следующую консультацию, — и знал? Хочется закрыться в ванной, лишь бы не видеть их обоих.

— И ты… — Я не могу закончить. Сын опускает голову, и я сразу ненавижу себя за это начало. — Господи, Паша. Ты ему сказал?!

Муж приближается к столу.

— Не так всё было. Не надо на него…

Отступаю, упираюсь в спинку своего стула.

— Я на него не… — Голос срывается. — Я тебя спрашиваю!

Кирилл садится обратно. Кладёт свой лист на колени.

— Я в машине увидел сообщение, — говорит он. — На экране. От неё. В апреле.

В апреле. Несколько недель. Я смотрю на Павла: он мог остановить всё это ещё тогда. Сказать мне сам. Но снова вёз меня к ней, снова сидел рядом.

— Я спросил папу, — продолжает сын. — Он сказал, это недавно. Что вы уже почти… Что у вас давно всё плохо.

Павел садится сбоку от него. Кирилл отодвигает стул. Очень немного, но я замечаю.

— Я не хотел, чтобы он узнал вот так, — объясняет муж. — Это вообще не должно было касаться его.

— Но коснулось! — вырывается у меня. — Ты потом что сделал? Сказал ему молчать?!

Кирилл отвечает раньше отца:

— Папа сказал, тебе будет очень больно. Что лучше он сам. Потом, когда вы сможете нормально поговорить. А я… Я согласился.

Он смотрит на меня, и я уже не могу отвести глаза. Он говорит всё тише. Я вспоминаю четверг, как утром извинялась перед Павлом, пока сын ел хлопья. Как Кирилл не поднял головы. Я думала, ему просто надоели наши ссоры.

— Мам, я не знал, что делать, — говорит он. — Ты всё ходила к ней. Говорила, что надо ещё постараться. Я хотел… Я не хотел тебя расстраивать.

Я прижимаю ладонь ко рту. Хочется схватить Пашу за

плечо, оттащить от сына. Пусть не сидит так близко. Пусть хоть сейчас даст ему договорить.

Кирилл отодвигает лист и смотрит мне прямо в лицо.

— Ты меня простишь? За то, что я знал и не сказал?

.Глава 12. Ты ни в чём не виноват

Кирилл ждёт. Я хочу спросить, сколько раз он собирался рассказать. Что ещё слышал, что именно Паша сказал ему про меня. Он смотрит мне в лицо, и я наконец понимаю: он ждёт совсем другого ответа.

— Кирилл, тебе не нужно просить у меня прощения за папину измену.

Он смотрит недоверчиво. Потом быстро качает головой.

— Я не за это. Я молчал. Ты приходила, спрашивала, как дела, а я…

— Я поняла, — отвечаю я и сажусь ближе. — Мне больно, Кирилл. Я сейчас вообще плохо соображаю. Но я на тебя не сержусь за это. Ты не должен был мне рассказывать вместо папы.

Павел начинает что-то возражать. Я поднимаю руку, не давая ему продолжить, и он наконец замолкает. Кирилл смотрит на нас обоих. Даже сейчас ждёт, кто первым сорвётся.

Я трогаю его плечо. Он не отодвигается, только втягивает голову. Совсем как маленький, когда ждал, что его будут ругать. От этого хочется заплакать ещё сильнее. Кирилл, господи, за что же тебя ругать?

— Я думал, если скажу, ты сразу… — Он не договаривает. — Папа сказал, ты можешь не выдержать.

Я убираю руку с его плеча. Посмотреть на Павла сейчас страшно: я не уверена, что смогу говорить без крика.

— Я хотел уберечь его, — произносит муж. — Он случайно увидел. Я не собирался посвящать сына. Просто нужно было время, чтобы…

— Чтобы я ещё походила к ней? — спрашиваю я. — Ещё поизвинялась перед тобой?

Паша отводит взгляд к столу.

— Даш, это уже другой вопрос.

— Какой другой?! — Я всё-таки вскакиваю. — Ты сказал ему, что я невыдержу! Шестнадцатилетнему мальчику! Он должен был смотреть на меня и думать, что со мной случится, если он расскажет!

Кирилл вжимается в спинку стула. Я сразу слышу собственный голос иначе. Господи, я обещала не втягивать его. Вдохнуть, хотя бы вдохнуть. Не заставлять сына сейчас ещё и останавливать меня.

— Мы это обсудим без него, — говорю я Паше. — Не продолжай.

Муж тоже встаёт. На кухне тесно, приходится обойти стол, чтобы не оказаться между ними. Сын смотрит в сторону двери, но не двигается.

— Он всё равно знает, — возражает Павел. — И имеет право услышать, что я не пытался…

Кирилл резко отодвигает стул.

— Я не хочу! — выкрикивает Кирилл.

Мы оба замолкаем. Он редко кричит так. Раньше мне хотелось сразу сделать замечание о тоне. Сейчас я только отступаю к плите, даю ему говорить.

— Я не хочу слушать про то, как ты маму защищал, — продолжает он, обращаясь к отцу. — Ты сказал молчать. Я молчал. И всё! Не надо каждый раз объяснять!

— Кирилл, я не… — Павел замолкает. Смотрит на сына, потом на меня.

Я отворачиваюсь. Едва держусь, чтобы не сказать ему: вот, послушай, что ты сделал. Только тогда Кирилл снова окажется в нашей ссоре.

— Больше не надо молчать, чтобы меня поберечь, — говорю я Кириллу. — И жить со мной только потому, что мне плохо, тоже не надо.

Сын складывает лист. Аккуратно по старым сгибам, не смотрит на меня. Я хочу спросить, понял ли он, но это будет ещё одно требование ответа. Сколько можно.

— Ты всё равно расстроишься, — говорит он наконец.

Я снова сажусь. Горло саднит, отвечаю не сразу.

— Да, расстроюсь, — отвечаю я. — Я хотела бы, чтобы ты был со мной. Но я не перестану тебя любить, если ты останешься здесь. Тебе не нужно выбирать папу и заодно отказываться от меня.

Кирилл кивает, совсем немного. Я не понимаю, поверил ли он. Вижу только, что он перестал так крепко держать лист. Подвигаю к нему салфетки, потому что у него мокрые глаза.

Он берёт одну и сердится на собственные слёзы, растирает щёку слишком сильно.

Я хочу обнять. Сейчас уже не боюсь спросить.

— Можно?

Он не отвечает, но чуть поворачивается ко мне. Я обнимаю его неловко, сидя рядом, утыкаюсь в плечо. Мой большой мальчик. Хочется забрать его отсюда, увезти, чтобы Паша больше не успел ничего ему объяснить. Я не делаю этого. Только держу несколько секунд, пока сын сам не отстраняется.

— Я сегодня останусь, — говорит он.

Я киваю. Хотела бы сказать: поехали со мной, Жанна место найдёт. Но он это уже слышал. Отпускаю его плечо, поправляю ворот толстовки, который смяла, когда обнимала.

Павел забирает папку, прижимает ладонью обложку.

— Даша, раз уж мы всё обсудили, давай хотя бы зафиксируем временно…

Я смотрю на него. Он опять достаёт документы. Сын только что плакал рядом с нами, а Паша решил, что теперь я, наверное, готова подписать.

— Нет, — отвечаю я. — Мы ничего про имущество не обсудили. Я уезжаю.

Паша держит папку открытой, смотрит на мою сумку.

— Ты можешь остаться. Никто тебя не гонит.

— Я не могу здесь остаться, — отвечаю я. — Ты правда не понимаешь?

Павел молчит. Я беру сумку. Кирилл идёт со мной в прихожую.

Павел остаётся у кухонной двери. Хочет сказать что-то сыну, но тот поворачивается к нему сам.

— Пап, больше не рассказывай мне, как маме будет плохо, — говорит он. — И что со мной будет, если она не согласится. Я не хочу это слушать.

Я так и остаюсь согнувшись над туфлей. Мне хорошо от того, что он сам это сказал. И стыдно радоваться: стою, слушаю, как сын отказывается обсуждать меня с отцом. Разве этого я хотела, когда ехала домой?

— Хорошо, — отвечает Павел после паузы. — Я понял.

Кирилл остаётся у двери, пока я беру куртку. Я спрашиваю, можно ли завтра позвонить. Он обещает сам набрать после школы. Киваю, ещё раз обнимаю его на прощание.

В лифте мне приходится прислониться к стене. Колени слабые, и я не могу поймать нормальный вдох. Я не накричала на сына за то, что он молчал. Хотя хотела. На секунду очень хотела спросить, как он мог смотреть мне в лицо. Мне стыдно за эту мысль. Ему было страшно, а Паша был рядом и говорил, что знает, как лучше.

До машины дохожу медленно. На парковке уже прохладно, я натягиваю куртку. Потом звоню Жанне и прошу просто дождаться меня. Не знаю, смогу ли ей рассказать. Нужно, чтобы кто-нибудь был дома, когда я открою дверь.

Жанна встречает меня в прихожей.

— Он знал, Жан. Кирилл знал, — выговариваю я и начинаю плакать.

Она помогает снять куртку, уводит в комнату. Уже на диване я рассказываю остальное. Сбиваюсь, возвращаюсь к началу. Жанна сидит рядом, пока у меня не начинает болеть голова и я сама не замолкаю.

Наутро звонит Лариса. Я пугаюсь, увидев её имя: успела привыкнуть, что после Пашиных документов никто не звонит с хорошими новостями.

— Дарья, Павел начал официальный спор о проживании Кирилла, — сообщает она. — Его представитель направил копию заявления. Они просят определить проживание с отцом.

Я сажусь на диване. Жанна уже ушла. Лариса объясняет, что заявления пока недостаточно, чтобы что-то решить, что мы подготовим ответ. Я переспрашиваю: Паша уже обратился в суд? Она подтверждает.

— Он вчера говорил, что я начинаю войну, — произношу я. — Что из-за меня сыну придётся всё рассказывать.

— Сейчас важно не отвечать на это через Кирилла, — говорит Лариса. — В документах разберёмся отдельно. Ваш разговор с сыном не должен зависеть от каждого письма его представителя.

Я спрашиваю, когда можно приехать. Она называет время и просит прислать всё, что будет поступать от Павла. Мне нужно вставать, ехать, принимать решения. Очень хочется

опять лечь, натянуть покрывало и не слышать телефон.

Но я перезваниваю мужу.

— Ты подал заявление? — спрашиваю я. — После того, что вчера было?

Муж отвечает сразу, не спрашивает, что я узнала вчера от сына.

— Даша, ты сама отказалась договариваться. Я предлагал без суда.

Я закрываю глаза. Он вчера пугал Кирилла судом, а сам уже готовил заявление.

— Я отказалась подписать твой раздел имущества. Это другой вопрос.

Он тяжело вздыхает в трубку.

— У нас всё связано. Кирилл хочет жить со мной. И мы должны учитывать, как складываются его отношения с тобой. Ты же сама это видела вчера.

От этих слов меня обдаёт злостью.

— Он вчера рассказал, что ты заставил его скрывать измену! Это я видела!

— Ты можешь сколько угодно называть это так, — отвечает Павел. — Но у меня есть сведения из вашей семейной терапии. Они подтверждают, что с сыном у тебя давно всё нестабильно. Если иначе договориться не получится, я их использую.

— Какие сведения? — спрашиваю я. — Паша, что она тебе отдала?

— Я не буду сейчас всё перечислять. Подумай, прежде чем дальше обострять.

Я хватаю с дивана папку. Хочется открыть договоры, сразу найти, где написано, что он не имеет права. Только я даже не знаю, что у него есть.

— Присылай Ларисе, — отвечаю я. Голос получается слабее, чем хотелось. — Всё, что собираешься использовать.

Павел заканчивает вызов. Я остаюсь с телефоном в руке и не знаю, какой именно разговор он собирается предъявить против меня.

.Глава 13. Константин тоже ошибся

Я набираю письмо в центр, потом стираю обращение к Виктории. Ей уже ничего не хочу объяснять. Отправляю запрос на адрес, указанный в ответе о проверке, ставлю в копию Ларису. Прошу документы по моим индивидуальным встречам, все согласия, сведения о том, кто имел доступ к материалам и кому их передавали.

Задерживаюсь на слове «все». Уже не знаю, что у них хранится. Мои листы, фотографии, какие-то записи? Я подписывала бумаги перед встречами и почти сразу убирала их в сумку.

Нажимаю отправку и звоню Ларисе.

— Я не понимаю, что у него есть, — говорю я. — Он сейчас так уверенно… Будто уже знает, что я скажу.

Она просит прислать точные слова Павла. Я записываю их, пока помню, и спрашиваю, смогут ли теперь забрать у меня сына из-за того, что я говорила психологу.

— Дарья, по одному заявлению и словам Павла никто сейчас этого не решает, — отвечает Лариса. — Нам нужно увидеть, на что они будут ссылаться. Я не могу оценить материал, которого у нас ещё нет.

Я хочу услышать, что всё будет хорошо. Лариса ждёт, пока я запишу, какие бумаги привезти.

— Сегодня привезу договоры, — говорю я.

До встречи с Ларисой пытаюсь работать. Открываю главу учебника, пять раз читаю один абзац. Так и не понимаю, что нужно исправить.

После школы звонит Кирилл. Сам, как обещал. Спрашивает, где лежит его старая справка для соревнований. Я говорю, в синей папке у письменного стола. Он находит её, шуршит бумагами в трубку.

Мне очень хочется спросить про вчерашнее. Не жалеет ли, что рассказал. Не говорил ли Паша с ним после моего отъезда. Я прикусываю щёку, пока сын проверяет дату на справке.

— Мам, тут всё, — говорит он. — Я побежал. Завтра напишу, во сколько тренировка заканчивается.

Обещаю дождаться сообщения. После вчерашнего я боялась, что он вообще перестанет звонить.

На следующий день из центра приходит подтверждение: запрос принят, документы готовят. В отдельном сообщении специалист, ведущий проверку, пишет, что уже изучается история доступа. Окончательных выводов ещё нет. Мне предлагают уточнить даты индивидуальных встреч, и я сверяю их с календарём и своей тетрадью.

Следом звонит Веденин.

— Дарья, во время проверки подняли служебное сообщение, — говорит он. — Оно поступило в апреле. Я должен объяснить вам, что тогда сделал.

Я сразу выпрямляюсь.

— А в апреле вы тоже знали, что мне нужно что-то объяснять?

Он не отвечает на мой тон.

— Тогда я не знал о вашей ситуации. Речь шла о работе с клиентскими файлами. Если вам удобнее приехать, я буду в центре после двух.

Собираю договоры. Вчера у Ларисы успели обсудить только заявление Павла; отдельные согласия ещё не разбирали. Вкладываю оба листа письма и еду в центр.

Администратор проводит меня к Веденину. За одной из дверей смеются. Я ускоряю шаг. Не хочу здесь ни к чему прислушиваться.

Константин встаёт от стола. Сегодня на нём рубашка с закатанными рукавами, на соседнем стуле лежит пиджак. Он предлагает сесть. Я оставляю папку на коленях.

— Что было в апреле? — спрашиваю я.

Он садится напротив, держит перед собой один лист. Не поворачивает его ко мне.

— Сотрудница сообщила, что файлы клиентов копируют в необычном объёме. Это сообщение я получил.

— Вы видели его? — перебиваю я. — То сообщение?

Константин кивает.

— Я спросил Викторию, для чего нужны материалы, — продолжает Константин. — Она сказала, что готовит их для внутреннего профессионального разбора консультаций. Я поручил обычную административную проверку.

— Обычную? — повторяю я. — Вы сейчас можете сказать человеческими словами, что это значит?

Он кладёт лист на стол.

— Попросил администрацию разобраться с копированием. Но потом не потребовал документы: кто дал согласие, какие файлы понадобились для разбора. Принял объяснение Виктории. Этого было недостаточно.

Я вцепляюсь в края папки.

В апреле я ещё приходила сюда. Писала детям то письмо, которое потом увидел Кирилл. Спрашивала Викторию, как перестать обижаться на Пашу. У неё уже копировали файлы так, что сотрудница обратила внимание, а Веденин получил объяснение и успокоился.

— Вы могли тогда всё остановить? — спрашиваю я. — Ещё до того, как я застала их?

— Более полная проверка могла раньше выявить нарушения, если они уже происходили, — отвечает он. — Что именно можно было бы установить в апреле, сейчас выясняют.

— Если?! — Я подаюсь вперёд. — Мой муж пересказывает то, что я говорила только ей! Моему сыну показали половину письма! Вы всё ещё…

— Дарья, я не знаю, что именно обнаружили бы тогда.

— А я знаю, что ходила сюда и платила вам! — Я почти кричу. — Сидела за стеной, рассказывала ей… Вы могли хотя бы спросить, что она копирует!

Константин ждёт, пока я снова смогу говорить. Не пред-

лагает успокоиться.

— Мог. Должен был, — отвечает он. — Я не проверил всё, что требовалось. Поэтому и попросил вас приехать. Вы должны об этом знать.

— Вам следовало проверить!

Я всё-таки бросаю папку на соседний стул. Он сидит напротив и признаёт, что ошибся. А мне завтра опять идти к адвокату, объяснять, чем Паша собирается меня пугать.

— Да, — отвечает Константин.

Он не добавляет, сколько лет знает Викторию. Не говорит, что у него огромный центр и невозможно следить за каждым сотрудником. Я уже приготовилась спорить с этим и на секунду не знаю, что сказать.

Я отворачиваюсь к окну, пытаюсь справиться с голосом. Благодарить его за откровенность я не собираюсь.

— Почему вы рассказываете это мне? — спрашиваю я. — Они всё равно бы написали в ответе?

Он ненадолго опускает взгляд на лист.

— О моём решении всё равно напишут. Я уже дал объяснения. Но вы пришли с жалобой ко мне. Я должен сам сказать вам, что не сделал ещё в апреле.

Я ожидала услышать, что он ни при чём. Что Виктория его тоже обманула. Он мог бы сейчас долго рассказывать мне об этом, но не рассказывает. Я вытираю щёку и злюсь на себя: даже замечать этого не хочу, а замечаю.

— Вы мои разговоры с ней слушали? — спрашиваю я. —

Что там вообще хранится?

Константин качает головой.

— Я не изучаю содержание ваших индивидуальных встреч. С ними работает независимый специалист в рамках проверки. Я обеспечиваю доступ и сохранность, отвечаю на вопросы о действиях администрации. Копии ваших документов предоставят по запросу.

Хочется потребовать всё немедленно. Забрать, отвезти Ларисе. Но я уже отправила список, ответ ещё готовят.

Поднимаюсь. Веденин тоже встаёт, не пытается задержать.

— Дарья, я понимаю, что вы сердитесь на меня.

Я забираю папку со стула.

— Нет, — говорю я. — Вы не понимаете. Вы тогда поверили ей, а теперь можете объяснить, где ошиблись. Мне теперь надо выяснять, что она отдала моему мужу.

Константин молчит. Я выхожу, не попрощавшись. У стойки прошу воды. Пью медленно, жду, пока перестанет трясти. К машине иду уже с ключами в руке.

У машины звонит Лариса.

— Пришло письмо от представителя Виктории, — говорит она. — Я переслала вам. Пока это их позиция, документы, которыми её подтверждают, не приложены.

Я кладу папку на пассажирское сиденье, открываю сообщение. Читаю до своего имени.

Представитель утверждает, что я добровольно разрешала

обсуждать результаты отдельных индивидуальных консультаций с Павлом. Что наши совместные встречи предполагали обмен сведениями для работы с семейными отношениями.

Я перечитываю. Потом опять возвращаюсь к слову «добровольно».

— Я не разрешала показывать детям письмо! — говорю я. — И Паше… Лариса, я не помню такого.

— Поэтому нам нужно прочитать каждое согласие, — отвечает Лариса. — Отдельно от общего договора. Вы можете завтра утром приехать со всеми оригиналами?

Я смотрю на папку. Подписи я поставила сама. Думала, это обычные бумаги для консультации.

— Приеду, — отвечаю я.

Телефон уже погас, а я всё ещё стою у открытой машины. Вытаскиваю из папки верхний договор, нахожу свою подпись. Неужели я разрешила? Неужели это было написано, а я просто не прочитала?

.Глава 14. Я такого не подписывала

Лариса кладёт передо мной общий договор.

— Сначала разберём, на что они ссылаются, — говорит она. — Потом сверим это с отдельными согласиями.

Я держу сумку на коленях. Вчера дважды перечитала договор, но к третьей странице уже путалась. Совместная работа, обмен информацией… Может, я сама разрешила? И подпись стоит, моя.

Лариса находит нужный пункт. Мы читаем его вслух. Совместные консультации предполагают обсуждение общих проблем супругов, работу с тем, что оба сообщают во время встречи. Помню, как при Паше рассказывала, что проверяю время его возвращения. Он слушал, спорил.

— Здесь я сама при нём говорила, — произношу я.

Лариса переворачивает страницу, показывает, где описаны разные форматы встреч.

— Да. А к индивидуальным приёмам у вас другие согласия. Давайте посмотрим их.

Я раскладываю остальные листы. Лариса пододвигает лампу, читает. Я сверяю даты с тетрадью и всё время заглядываю ей в лицо. Она пока ничего не говорит.

На февральском листе вижу слово «аудиозапись».

— Вот это, — говорю я. — Она тогда спрашивала. Сказала, что некоторые консультации разбирают внутри, чтобы

лучше работать. Я согласилась.

Паша отменил тот вечер. Я приехала одна. Виктория объяснила, для чего запись, и я обрадовалась: значит, мою ситуацию будут разбирать внимательнее.

— Для разбора внутри центра, — повторяю я. — Она именно так объясняла. Я на это и соглашалась.

Лариса читает лист полностью. Потом ещё раз возвращается к абзацу о цели записи.

— Здесь указана одна консультация, — говорит она. — Дата совпадает. Цель — внутренний профессиональный разбор. Передачи записи супругу этот текст не предусматривает.

Наклоняюсь, читаю рядом с ней, придерживаю лист.

— А если общий договор… — начинаю я.

Лариса кладёт рядом сентябрьские страницы.

— Я сверю оба документа. Но разрешение записать одну встречу не означает, что Павлу можно отдать всё, что вы сказали. Здесь не указана передача ему записи или отдельных фрагментов.

При слове «фрагменты» я снова вспоминаю первый лист письма. Из разговора ведь тоже можно взять начало, а дальше не дать послушать.

— Я такого не подписывала, — произношу я.

Я перечитываю пункт ещё раз. Всю ночь пыталась вспомнить, как могла согласиться. А здесь написано то, что я и помню.

Лариса спрашивает об остальных согласиях. Я отдаю ей всё, что осталось в папке.

— Я не подписывала отдельно ничего для Паши, — говорю я. — И про Кирилла не подписывала. Она мне давала обычные бумаги, говорила, где дата.

Лариса складывает страницы по порядку.

— По тем документам, которые у нас есть, согласия на такую передачу я не вижу. В запросе мы попросили полный комплект из центра. Сверим и его.

— Значит, им всё-таки нельзя было? — спрашиваю я.

— По этим документам — нет. Теперь нужно установить, что они сделали.

Я киваю. Мне бы хотелось, чтобы этого листа уже хватило остановить Пашу. Но он ещё даже не показал свои материалы.

Достаю оба листа письма. Кладу рядом, как перед Кириллом в кафе.

— Это я ей отправила, — говорю я. — Оба. Для следующей консультации. Мы должны были поговорить о том, почему я так устала и срываюсь на детей.

Показываю переписку с двумя фотографиями. Лариса сверяет дату, читает сообщение к снимкам. Я попросила обсудить на встрече. Ничего про то, чтобы показать Паше.

— Я и детям не собиралась отдавать его сразу, — говорю я. — Хотела сначала обсудить с ней, переписать. Я же там такого наговорила… Написала.

Лариса читает обе страницы. Я сижу, опустив глаза. До сих пор хочется объяснить ей: я не собиралась бросать детей. Хотя она сама видит продолжение.

— Вторую страницу обязательно приложим, — говорит Лариса, возвращая письмо. — Оригиналы оставьте у себя, чат тоже сохраните. Как первая фотография попала к Павлу, ещё выясним. А то, для чего вы отправляли письмо, видно из переписки.

Я убираю листы в прозрачный карман.

— Я хочу понять, что она ему дала, — говорю я. — Всё, что дала. Не только то, что он сейчас решил мне показать.

Лариса открывает мой текст претензии, поворачивает экран. К описанию прежнего знакомства, поцелуя и разговора с Павлом добавляем даты отдельных встреч и февральское согласие. Уточняем, что я разрешала записывать и для чего отправляла письмо. Теперь мне нужен ответ по каждому из этих пунктов.

— А почему «возможное использование»? — спрашиваю я, читая строчку на экране. — Он уже угрожает ими.

Лариса поворачивается ко мне.

— Угрозу укажем его словами. Но что именно ему передали, мы ещё не знаем. Это и просим выяснить.

Убираю фразу о том, что они всё заранее спланировали. Хочется оставить, но июльская фотография подтверждает знакомство. Паша даты романа не назвал.

Лариса сохраняет правки. Я смотрю на строку о внутрен-

нем профессиональном разборе и спрашиваю, могла ли Виктория просто пересказать ему мой разговор. Без всякой записи.

— Могла. Поэтому мы спрашиваем о любых сведениях, которые она сообщала Павлу, — объясняет Лариса. — Пересказ ваших слов тоже сюда относится.

Телефон Ларисы коротко вибрирует. Она смотрит сообщение, потом открывает почту. Предупреждает, что пришло ещё одно письмо от представителя Виктории. Я не успеваю убрать документы обратно в сумку.

Мне предлагают небольшую компенсацию и урегулирование претензий. Лариса поворачивает экран, чтобы я могла прочитать условия сама.

Сумма стоит ближе к началу. Ниже — отказ от дальнейших требований по обстоятельствам, связанным с консультациями и обращением. Я читаю до конца, потом снова возвращаюсь к этому месту.

— Они ответили, что передавали? — спрашиваю я.

Лариса прокручивает письмо вверх.

— Нет, — отвечает Лариса. — Они предлагают закончить спор. А ответа, что было с вашими материалами, здесь нет.

Я придвигаю экран ближе. Сейчас возьму деньги — а потом Паша принесёт неизвестно что из моих разговоров? И я уже согласилась больше ничего не требовать?

— За что эта сумма? — спрашиваю я. — Чтобы я перестала спрашивать?

— На этих условиях — да, — отвечает Лариса. — Решение за вами. Но я бы пока не советовала отказываться от требований. Мы ещё не знаем, что попало к Павлу.

Деньги мне нужны. Я живу у Жанны, плохо работаю, плачу за помощь Ларисы. Хочется перестать ездить в центр. Может, взять и закончить?

Потом представляю, как Павел снова произносит, что у него есть сведения о моих отношениях с сыном. Я уже отказалась от требований, а он ещё даже не показал их.

— Нет, — говорю я. — Сейчас не подпишу. Сначала хочу узнать, что она ему передала.

Лариса набирает ответ, я перечитываю и прошу отправить. Уже на лестнице вспоминаю: не спросила, сколько всё это может длиться. Возвращаться нет сил.

У Жанны дома складываю согласия отдельно от общего договора. Она приходит с продуктами. Я режу помидор, рассказываю о предложении.

— А ты что? — спрашивает она.

Я кладу нож.

— Отказалась пока. Боюсь, что просто устану и подпишу.

Жанна двигает к себе доску, берёт второй помидор.

— Тогда сегодня больше ничего не читай. Поешь. Остальное у тебя уже у Ларисы.

Мне хочется послушаться. Мы садимся, я съедаю несколько ложек. Приходит сообщение Кирилла с временем завтрашней тренировки. Отвечаю, что могу подъехать после.

Он ставит короткое «ок», и я оставляю телефон возле тарелки, чтобы сразу заметить, если напишет ещё.

Звонит Павел.

Я отвечаю. Павел сразу начинает с вопроса:

— Ты собираешься продолжать это с Викторией? — говорит он. — После предложения, которое тебе сделали?

Я отодвигаю тарелку. Жанна видит моё лицо и остаётся на месте.

— Мне не ответили, что она передавала тебе.

Павел резко выдыхает.

— Даша, прекрати проверку. Ты сейчас лезешь туда, где можно было спокойно закрыть вопрос. Я тебе говорю по-хорошему: иначе развод станет гораздо неприятнее.

Мне страшно. Я ещё не видела его материалов. Сын всё ещё живёт с ним. И сейчас очень хочется начать объяснять, что я просто пытаюсь разобраться, попросить хотя бы не трогать Кирилла.

— Что значит «неприятнее»?! — спрашиваю я.

— Ты меня услышала, — отвечает он. — Потом не говори, что я не пытался договориться.

Я смотрю на Жанну. Она отложила вилку, ждёт. Хочется дать ей трубку: пусть она хоть раз послушает, как он со мной разговаривает. Но отвечать всё равно придётся мне.

— Я не откажусь, пока не узнаю, что было с моими разговорами, — говорю я. — А все имущественные вопросы ты теперь будешь обсуждать с моим адвокатом.

Глава 15. Четыре миллиона шестьсот тысяч

— Тогда объясни своему адвокату, что квартира нужна нашему сыну! — Павел кричит так, что Жанна поднимает голову от тарелки. — Ты деньги хочешь отсудить или Кирилла из дома выгнать? Определись!

Я отодвигаю стул, встаю из-за стола. Жанна всё слышит. Ещё недавно я сама рассказывала ей, как Павел заботится о детях, как много работает. Теперь стою посреди её кухни и не могу заставить мужа назвать сумму, которую он предлагает мне при разделе.

— Не прикрывайся Кириллом! Ты сказал: дом и деньги. Сколько денег, Павел?

— Обсудим, когда ты перестанешь устраивать эту историю в центре, — отрезает Павел.

От его ответа я даже зажмуриваюсь. Вот как просто: перестану требовать объяснений от любовницы — он, возможно, соизволит посчитать мою долю.

— Ты меня сейчас покупаешь? — спрашиваю я. — За мои же деньги?

— Даша, хватит! Не всё лежит наличными в тумбочке! Ты двадцать лет не спрашивала, откуда берётся наша жизнь, а теперь вдруг отчёт понадобился!

— Я двадцать лет работала! — срываюсь я. — Моя зарплата тоже шла в эту жизнь! В еду, в детей, в дом! Не смей разговаривать со мной так, будто ты меня содержал!

Павел начинает про вложения и проценты. Я уже не даю ему договорить. Больше всего хочется, чтобы он хоть раз признал: да, Даша, это и твоё. Вместо этого опять придётся доказывать то, о чём мы прежде даже не спорили.

— Всё Ларисе. С суммами. Пока их нет, мне не звони.

Я отключаюсь. Жанна молча отодвигает мою тарелку, освобождая место передо мной. Ужинать больше не могу. Вспоминаю накопительный счёт: прошлым летом там было около шести миллионов. Павел говорил, что часть разместил выгоднее. Что именно я тогда спросила? Кажется, только про срок. Ещё помню его раздражённое: «Ты опять мне не доверяешь?» После этого уже оправдывалась.

— Принесу ноутбук, — говорю Жанне. — Надо посмотреть счёт.

В гостевой комнате включаю компьютер, возвращаюсь с ним на кухню. За спиной у Жанны открыта форточка, пахнет её жареными котлетами. Вчера этот запах успокаивал. Сейчас от еды мутит, и я отодвигаюсь от сковороды.

Доступ у меня свой. Счёт общий, уведомления я отключила сама — по совету перестать всё время проверять мужа. Даже показала ему тогда, что больше не слежу за каждой операцией. Он одобрил. Господи, ещё и похвалы его обрадовалась.

Открываю выписку за год. Один крупный перевод компании, ещё один. Два поменьше. Во всех четырёх одно название и слово «заём». Я переписываю суммы, складываю на калькуляторе. Сбрасываю и считаю снова.

Четыре миллиона шестьсот тысяч.

— Жанн… — Я поворачиваю к ней экран. — Посмотри. Я правильно сложила?

Она придвигается. Пересчитывает медленно, сверяя каждую цифру. Жду, что найдёт ошибку: лишний ноль, повторённую строчку. Ничего не находит.

— Да, Даш. Четыре шестьсот. А кому?

Ищу компанию по названию. Открывается страница образовательных программ. Виктория на фотографии, с белой чашкой, улыбается в объектив. В сведениях о владельце — Виктория Ланская. Я сверяю название компании с выпиской. Это её бизнес. Другой адрес, другое название — не центр Константина.

— Ей, — выговариваю я. — Это компания Виктории.

Первый платёж в августе. К ней на семейные встречи мы пришли в сентябре. Я показываю Жанне даты, тычу пальцем в экран, не попадая с первого раза.

— Смотри! Мы ещё даже не ходили к ней. Он уже тогда…

Не могу закончить. Тогда что? Знал её — да, я уже видела июльскую фотографию. Но что ещё было между ними, когда он отдавал наши деньги? Мне опять придётся спрашивать его и слушать, как я всё неправильно поняла.

На странице рядом с фотографией кнопка записи на курс. Виктория так же улыбалась мне, когда я жаловалась на ссоры из-за расходов. «Вы пытаетесь справиться с тревогой через контроль». Я записала. Старалась не спрашивать Павла лишнего. И вот на что пошли мои старания.

— Я ей рассказывала, что мы из-за денег ругаемся, — говорю Жанне. — Она велела доверять ему. Понимаешь? Он переводил ей, а она учила меня не смотреть!

Я уже ищу в телефоне её номер. Жанна придвигает стакан воды, но я отмахиваюсь.

— Что ты хочешь сказать? — спрашивает подруга. — Даш, подожди. Сначала сохрани это.

Её хочется оборвать. Я хочу услышать Викторию сейчас, без подготовленного ответа от представителя. Хочу, чтобы она хоть на секунду растерялась. Но что я получу? Она отключится, а я опять буду до утра перебирать её слова. Кладу телефон возле ноутбука и скачиваю выписку. Отправляю Ларисе, отдельно пишу сумму и название компании.

Ответа жду всю ночь. Лариса звонит утром и приглашает к себе с распечатками.

В кабинете холодно. Натягиваю кардиган, сажусь, но папку из рук не выпускаю.

— Мы можем забрать деньги обратно? — спрашиваю, прежде чем она успевает открыть выписку. — Он без меня отдал почти всё, что мы накопили!

— Давайте посмотрим, на каком основании. — Лариса

протягивает руку за бумагами. — В платежах указан договор займа. У вас он есть?

Я мотаю головой. Никакого договора Павел не показывал. Он вообще о ней не говорил, когда рассказывал, куда вложился.

— А банк? Я могу написать, что не согласна?

— Написать можете, — отвечает Лариса. — Но этим уже проведённые переводы не отменить, Дарья. Сейчас запрошу договор у его представителя.

Она открывает почту. Я слежу, как набирает сообщение, и едва удерживаюсь, чтобы не поторопить. Всё слишком медленно. Муж успел отдать деньги, теперь мне нужны запросы, ответы, чужое рабочее время, чтобы хотя бы выяснить условия.

— Пока они будут отвечать, она всё потратит! А мне он дом отдаст и скажет: денег больше нет?

Лариса прекращает печатать, поворачивается ко мне.

— Вы же не приняли его предложение. И я не советую принимать. Если это заём, остаётся требование вернуть деньги. Нам нужно понять, кто обязан вернуть, когда и за счёт чего. Перевод сам по себе ещё не значит, что вы ничего не получите.

— Но и не значит, что получу, — перебиваю я.

— Не значит, — соглашается она. — Поэтому никаких подписей под «частью свободных средств». Сначала выясним, что именно делим.

Мне хочется попросить её сказать иначе. Увереннее. Но Лариса уже показала пустое место в предложении мужа, и спорить с ней бесполезно: суммы там действительно нет.

Договор присылают к концу дня. После работы заезжаю за копией. Лариса оставила её на столе вместе с выпиской: получатель — образовательная компания Виктории, кредитор — Павел. Вернуть обязаны тридцатого сентября. Все четыре перевода учтены.

— Значит, ждать осени? — спрашиваю, перечитывая срок.

— Для обсуждения раздела ждать не нужно. Но обещание вернуть в сентябре и деньги на счёте — разные вещи. Это надо учитывать, прежде чем соглашаться на его условия.

Я смотрю на подпись мужа. Он сидел где-то с этим договором, проверял суммы, расписывался. А мне говорил про доверие. Ни разу не назвал её имени. Даже обмолвиться боялся, что за «перспективный проект» нашёл.

Из кабинета выхожу с копией в папке. Сажусь в припаркованную машину и звоню Павлу. На сиденье жарко, но дверь не закрываю — всё равно сейчас никуда не поеду.

— Я получила договор. Все четыре перевода, Павел. Четыре миллиона шестьсот тысяч у Виктории.

— И что? — Он отвечает почти сразу. — Я не прятал переводы. Ты прекрасно могла посмотреть.

— Ты сказал, что вложил в проект знакомых!

— В образовательный проект, — возражает Павел. — Так

и есть. Или ты теперь будешь утверждать, что вообще ничего не знала?

Я стискиваю телефон. Как же легко он это делает! Сказал половину, а теперь выходит, что я сама согласилась на всё остальное.

— Ты назвал мне её имя? Хоть раз? Сказал: Даша, я дам наши накопления женщине, к которой мы ходим спасать брак?!

— Не надо смешивать личное и деловое, — отрезает Павел.

— А ты как их разделял? Сначала договор, потом к ней в постель? Или наоборот?

Он резко выдыхает в трубку. Я сама пугаюсь того, что сказала, но забирать слова не собираюсь. Пусть хоть раз ему будет противно слушать, а не только мне.

— Деньги в надёжном коммерческом проекте, — произносит он с нажимом. — В сентябре вернутся. С процентами. Тебе поругаться важнее или нормально получить свою часть?

— Она учила меня не проверять счёт, Павел! Пока брала наши деньги! Ты хоть понимаешь, как это… В августе ты уже знал, что приведёшь меня к ней?

— О договоре говори с моим представителем, — обрывает он. — В мои отношения больше не лезь.

— Это мои деньги! Я про них спрашиваю! — кричу я, но он уже отключился. Я снова нажимаю на его имя. Пусть

поднимет. Пусть попробует ещё раз сказать, что всё это меня не касается.

Глава 16. Ты правда здесь живёшь?

Павел сбрасывает звонок. Набираю ещё раз — снова сбрасывает. Я бросаю телефон на соседнее сиденье и сижу, вцепившись в руль. Поехать сейчас к нему? Чтобы договорил мне в лицо? Кирилл дома. Представляю, как сын выйдет из комнаты на наши крики, и отпускаю руль.

Ларисе пишу уже перед отъездом: муж подтвердил заём, обещает возврат в сентябре. Дома у Жанны забываю, что это чужая квартира, и громко зову из прихожей. Подруга выглядывает из кухни, спрашивает, что случилось.

— Ничего нового. — Я снимаю обувь, чуть не роняю раскрытую сумку. — Опять объяснил, куда мне не надо лезть.

Жанна подбирает выпавший кардиган, несёт в гостевую. Следую за ней и вижу свои вещи на её кресле, документы на её тумбочке. Она ни разу не пожаловалась. От этого ещё неловче говорить то, что я решила по дороге.

— Я хочу квартиру снять. Здесь неподалёку, чтобы Кирилл мог после школы заходить.

— Даш, ты мне не мешаешь. — Подруга кладёт кардиган на спинку кресла. — Если из-за вчерашнего… Я спать хотела, вот и легла, пока ты сидела.

Я обнимаю её, не давая продолжить. Она ещё собирает-

ся оправдываться передо мной! Ведь это я заняла комнату, звоню по ночам, хожу с заплаканным лицом к чайнику.

— Нет, Жанн. Мне у тебя хорошо. Но я не знаю, сколько всё это продлится. И хочу, чтобы Кирилл приезжал домой ко мне. Свою сумку бросал где хочет, ночевал. Понимаешь?

— Здесь он тоже может, — упрямо отвечает подруга, но уже обнимает меня в ответ. — Только не хватай первое попавшееся. Посмотри нормально. И с залогом чтобы тебя не обманули.

Первые две квартиры не подходят. Одна над остановкой, во второй даже для лишнего спального места нет угла. В третьей я задерживаюсь: маленькая кухня, отдельная комната, диван и узкий стол. У выключателя потёртые обои. Окно во двор, до школы Кирилла можно дойти пешком.

Хозяйка показывает, как раскладывать диван. Я помогаю отодвинуть стол, проверяю, хватит ли прохода. Хватит. Сыну будет теснее, чем дома, но он ведь не навсегда должен сюда переехать. Может просто остаться со мной. От этой мысли я уже готова согласиться, приходится заставить себя ещё раз прочитать договор.

Аренда с залогом съедает заметную часть моих денег. Перед переводом открываю остаток на своём счёте, считаю, что останется до зарплаты. Хватит. Нажимаю подтверждение и только потом замечаю, как долго хозяйка держит передо мной ключи.

Вещей на переезд мало, Жанна помогает управиться за

один вечер. Привозит чашки и цветок, сама выбирает ему место у окна. Мы пьём чай на новой кухне, коленями задеваем друг друга под столом. Она обещает привезти запасное одеяло. Я смеюсь, что скоро вывезу половину её дома, и всё-таки одеяло прошу: здесь есть только одно.

Кириллу отправляю адрес и фотографию кухни. Он отвечает не сразу. Пока жду, убираю пакеты, вытираю полки в шкафу. На дверце перекосилась петля, сколько ни закрывай — остаётся щель. Отступаю, решив разобраться позже: пришло сообщение сына.

«Завтра после школы могу зайти».

Я успеваю ответить, что буду ждать, и сообщаю адрес Павлу. Пусть знает, куда едет ребёнок. Муж тут же звонит.

— Ты сняла квартиру? — спрашивает недовольно. — Уже договор подписала?

— Да. На несколько месяцев. Потом решу.

— Потрясающе, — тянет Павел. — Сама ушла, теперь ещё на аренду тратишься. У Жанны перестало устраивать?

Я смотрю на пакеты у плиты. Ещё вчера боялась, что не смогу жить одна, не справлюсь со всеми расходами. Теперь он опять заставляет меня сомневаться.

— Она моя подруга, Павел. Я не собираюсь жить у неё годами.

— Так возвращайся, — бросает он. — Тебя никто из дома не выгонял.

— И как ты это представляешь? — Я уже говорю громче.

— Мы с тобой завтракаем, потом ты едешь к Виктории, я на работу? По вечерам делаем вид, что семья?

Он раздражённо просит не начинать опять. У него всё решается очень легко: я могу жить где угодно, пока не требую от него ничего менять.

— Кирилл завтра придёт поужинать. Я сообщила адрес. Больше обсуждать нечего.

— Ты только не тяни его к себе! — обрывает Павел. — У него здесь нормальные условия. Не надо устраивать соревнование, с кем лучше.

— Он сам попросился. И со мной ему тоже может быть хорошо. Придётся тебе с этим как-нибудь жить.

Я отключаюсь прежде, чем он отвечает, и отодвигаю телефон. Слова вышли смелее, чем я чувствую себя на самом деле. Опять читаю сообщение сына. Он написал до разговора с Павлом. Я его не уговаривала.

На следующий день готовлю котлеты и пюре. Кирилл их любит. Пока жду, убираю сумки с дивана, чтобы ему было куда сесть, и достаю чистое полотенце — вдруг понадобится.

Кирилл приходит в половине четвёртого. С рюкзаком, в школьной рубашке. В тесной прихожей мы мешаем друг другу, пока он разувается. Хочу обнять, но он уже заглядывает в комнату, нажимает коленом на диван.

— Ты правда здесь живёшь? Прям насовсем?

— Пока здесь. — Я встаю рядом с ним. — Вон стол можно к окну поставить, если тебе понадобится. И диван расклады-

вается.

— Мам, я не про диван. — Сын оборачивается. — Я думал, ты у Жанны побудешь и домой вернёшься.

Нечего ему ответить так, чтобы не начать про отца. Я прошу вымыть руки, зову на кухню. Кирилл садится, сразу пробует котлету и обжигается. Я пододвигаю воду. Как же непривычно кормить его здесь: всего неделю назад не могла даже подумать, что буду ждать сына в гости.

— Может, на выходных сходим что-нибудь купим? — предлагаю, пока он ест. — Тут совсем мало посуды. Потом заедем домой, ты возьмёшь своё…

— У меня на выходных планы, — перебивает Кирилл. — Ты сначала спроси, могу ли я.

— Я же просто предложила!

Он откладывает вилку. Я тоже замолкаю. Сейчас объясню, как старалась, как ждала, а он будет виноват за то, что не захотел со мной в магазин. Знакомый разговор, только кухня другая.

— Хорошо. Скажешь, когда сможешь, — произношу уже тише. — Котлету ешь, ты же голодный.

Некоторое время мы только жуём. Из двора доносится треск мотоцикла, Кирилл подходит прикрыть окно и замечает, что здесь тише, чем у нас. Хочется зацепиться за это «у нас», спросить, считает ли эту квартиру совсем чужой. Но сын возвращается к тарелке и начинает рассказывать про одноклассника: тот принёс на доклад не свою презентацию.

— Учитель включает, а там папины продажи, — смеётся Кирилл. — Он ещё говорит: «Сейчас, сейчас, у меня на другом слайде было».

Я смеюсь, спрашиваю, чем закончилось. Доклад перенесли, а презентацию всему классу хочется досмотреть. Кирилл просит вторую котлету. Кладу ему на тарелку — теперь ест, болтает, больше не поглядывает на дверь.

Про секцию рассказывает сам. Сравнивает новую площадку с той, куда ребята ездили весной. Я узнаю название. Это на ту поездку не пустила его — сперва из-за ночёвки, потом уже из-за того, как он мне отвечал.

— Я тогда неправильно сделала, — говорю, не дожидаясь, пока он закончит. — С соревнованиями. Ты объяснил, что вечером вернётесь, а я всё равно запретила.

Кирилл смотрит на меня поверх стакана. Я чувствую, как краснею. Легче было бы напомнить про его грубость, заодно получить извинение самой. Но он уже слышал это столько раз.

— Ты ещё сказала: раз так разговариваю, значит, никуда не поеду, — напоминает сын.

— Сказала. Разозлилась и наказала. Хотя знала, как ты хотел.

Он медленно опускает стакан. Смотрит настороженно, явно ждёт продолжения. Я убираю пустую миску, потому что иначе начну оправдываться, а потом всё-таки добавляю:

— Прости, Кирюш. Я была неправа.

— И всё? — недоверчиво спрашивает он.

Я киваю. Сын теребит край салфетки. Прощать меня немедленно не собирается; я и сама до сих пор злюсь, если вспоминаю, что он тогда наговорил. Но поездку ему испортила я. Этого уже не исправишь.

Позже Кирилл показывает на бумажном пакете, как они стояли на площадке. У меня никак не сходится, кто где, и он со смехом перерисовывает. Чай остывает, мы переходим в комнату. Перед уходом сын замечает перекошенную дверцу, пробует подтянуть крепление и спрашивает отвёртку. Её нет. Обещает принести в следующий раз.

В прихожей он уже надевает рюкзак, когда останавливается.

— Мам, а можно я иногда после тренировок сюда? Тут ближе. Ну и на ночь, может.

Я хватаюсь за дверную ручку. Так хочется обнять его, расспросить, в какие дни ждать! Боюсь опять всё испортить своей радостью.

— Конечно, можно. Напишешь, как решишь. Я буду ждать.

Кирилл кивает и выходит. Я закрываю дверь, ещё слышу его шаги на лестнице.

Глава 17. Первый поцелуй после двадцати одного года

Кирилл присылает «Доехал», пока я ещё стою в прихожей. Отправляю сердечко, возвращаюсь на кухню и звоню Жанне.

Рассказываю про визит, про предложенную ночёвку. Жанна радуется вместе со мной. Мы ещё разговариваем, когда на экране появляется имя Константина.

— Перезвоню тебе, — тороплюсь я. — Тут звонок.

Переключаюсь. Он здоровается, спрашивает, не занят ли вечер. От его голоса почему-то хочется сесть, хотя я только что носилась по кухне с телефоном.

— Что-то случилось? — спрашиваю. — Опять Виктория?

— Нет. Я хотел пригласить вас поужинать.

Я сажусь. Всё-таки сажусь. Ещё секунду назад готовилась слушать очередную неприятность, а теперь не знаю, как ответить на простое приглашение. В ресторан? С ним? Смотрю на свою домашнюю футболку, словно он уже стоит передо мной.

— Просто поужинать? — уточняю и тут же жалею: звучит глупо.

— Мне хочется вас увидеть, Дарья. За пределами кабинета. Если вы не против.

Я хочу сказать «да», но вспоминаю жалобу, апрельский

разговор, его подпись на документах. Он всё ещё руководит центром, где меня так обманули.

— А с проверкой… это ведь не будет…

— Я её не веду. И не стану вести, если вы согласитесь, — отвечает он уже серьёзно. — Если из-за этого неудобно, я пойму.

— Я согласна, — перебиваю я. Отступать поздно и совсем не хочется. — Только давайте встретимся там. Меня забирать не надо.

На предложенное время я не успеваю с работы. Константин без спора сдвигает ужин на час. Я записываю адрес и после звонка сразу проверяю, какое у меня есть платье. Будто встреча сегодня, а не через несколько дней.

В назначенный вечер долго выбираю серьги. Жанна по телефону советует первые, я надеваю другие. Понимаю, что уже десять минут обсуждаю с ней собственные уши, смеюсь и наконец вызываю такси.

Константин ждёт у входа в ресторан. В тёмной рубашке, без пиджака. Я невольно замедляю шаг: раньше видела его за столом, собранного, занятого. Теперь он смотрит на меня и улыбается, и мне хочется подойти ближе, чем положено при обычном приветствии.

— Хорошо, что вы приехали, — говорит он, придерживая дверь.

— Я собиралась, — отвечаю слишком быстро. Потом признаюсь: — Просто непривычно.

Внутри пахнет тёплым хлебом, у окна уже накрыт стол для двоих. Я сажусь, устраиваю сумку возле ног. Константин замечает решётку кондиционера над нами, оборачивается к официанту.

— Давайте лучше…

— Мне здесь удобно, — останавливаю я. — Правда. Можно я хотя бы сяду, прежде чем вы нас пересадите?

Он отпускает спинку стула, смотрит на меня. Я уже готова объяснять, что не обиделась, но мужчина вдруг усмехается.

— Можно. Я обычно сначала всё устраиваю, потом спрашиваю.

— А если человеку не понравится? — Я открываю меню, поглядывая на него поверх края.

— Приходится устраивать обратно. Сейчас вы меня очень вовремя остановили.

Он садится напротив. Я прячу улыбку за меню. Хорошо, что не стал убеждать, будто ему виднее, где мне сидеть. Несколько минут выбираем еду, спорим о гарнире. Я заказываю рыбу, и только когда официант уходит, решаюсь спросить о том, что волновало ещё дома.

— Вы давно в разводе?

Константин перестаёт вертеть стакан за ножку. Я чувствую, как краснею, но вопрос уже задан.

— Несколько лет. А вы думали, что я женат?

— Я не знала. — Стараюсь смотреть ему в лицо. — Не хотелось потом выяснить что-нибудь… неприятное.

Он кивает, не заставляя меня договаривать. Рассказывает, что живёт один, взрослый Артём отдельно. С бывшей женой общаются по семейным делам. Я слушаю и всё-таки не удерживаюсь:

— А почему разошлись?

— Я дома почти не бывал. Когда бывал, тоже работал, — отвечает Константин. — Мне казалось: всё обеспечено, она же видит, сколько я делаю. Может подождать. Потом выяснилось, что ждать больше не хочет.

Официант приносит хлеб. Я отламываю кусок, но есть пока не начинаю. Знакомо до дурноты: «Ты же видишь, я работаю». Как часто сама боялась побеспокоить мужа, даже когда он сидел рядом в кресле.

— Она вам говорила? До того, как ушла?

— Много раз. — Он отвечает без улыбки. — Я предлагал отпуск. Покупки. Обещал разгрузиться после очередного проекта. Проект заканчивался, находился следующий.

— И теперь вы меньше работаете? — спрашиваю, уже почти злясь за незнакомую женщину.

Константин медлит. Я успеваю пожалеть о своём тоне: он не обязан отчитываться за весь брак на первом ужине.

— Не настолько, чтобы хвастаться, — признаёт он. — Артём до сих пор ловит. Однажды написал мне письмо, пока мы сидели за одним столом. «Пап, можешь сюда посмотреть? Я тут».

Я всё-таки улыбаюсь. Спрашиваю, отложил ли он тогда те-

лефон. Мужчина признаётся, что отложил, а сын потом ещё месяц выяснял, не надо ли и просьбу передать хлеб прислать по почте.

— Умеет добиваться внимания, — говорю я.

— С детства. — Константин придвигает к себе тарелку. — А ваш сегодня приходил?

Рассказываю про Кирилла. Про то, как он проверял диван и обещал принести отвёртку. Собираюсь объяснить и про наши ссоры, но останавливаюсь. Не хочу весь ужин говорить о том, какая я мать и почему сын пока со мной не живёт.

Константин спрашивает о работе. Я привычно отвечаю: учебные книги, правка. Обычно этого достаточно. Но он хочет знать, что именно приходится исправлять, и через несколько минут я уже объясняю, как автор заменил условие задачи, забыв про ответ.

— А пусть дети сами ошибку найдут, — предлагает он. — Полезное задание.

— В третьем классе? Там надо было сантиметры сложить! — возмущаюсь я. — Родители нам потом такое напишут. Автору тоже полезно сначала собственную задачу решить.

— Вы строгая, Дарья, — смеётся Константин.

Я начинаю оправдывать автора: он хороший, просто торопился. Мужчина смеётся ещё сильнее. На столе уже еда, а я всё рассказываю про чужую рукопись и неожиданно ловлю себя на том, что не хочу замолкать.

— Я вас замучила своей работой, — говорю наконец. —

Вы же поужинать позвали.

— Так я и ужинаю. — Он показывает на почти пустую тарелку. — А вы бросили рыбу ради автора. Доешьте, потом объясните мне, что ещё он натворил.

Я смеюсь, беру вилку. Рассказываю уже про другую книгу, он спорит, потом сам вспоминает, как пытался помочь Артёму с уроками. К десерту я забываю следить, сколько говорю и не скучно ли ему.

После ужина Константин предлагает пройтись. На улице прохладнее, чем я рассчитывала. У соседнего кафе складывают столики, приходится обходить грузовую машину. Он подаёт мне руку, пока я спускаюсь с высокого бордюра. Я берусь за его ладонь и потом не отпускаю, хотя бордюр уже позади.

— Давайте на «ты», — предлагаю я. — А то чувствую себя на приёме, когда вы называете меня Дарьей.

— Хорошо, Даша. — Он сжимает мою ладонь. — Так лучше?

Я киваю, уже смущённая тем, как прозвучало моё имя. Мы немного гуляем, потом берём такси: до моей квартиры пешком слишком далеко. Константин садится рядом. Всю дорогу я чувствую его плечо и надеюсь, что водитель не слишком торопится.

Возле подъезда останавливаемся. Сейчас он попрощается. Я представила это ещё в машине и всё равно не придумала, что сказать, чтобы задержать его.

Константин убирает волосы от моей щеки. Я смотрю на него, уже не пытаясь улыбнуться как ни в чём не бывало. Он наклоняется, а я сама подаюсь навстречу и целую.

Он сразу обнимает крепче. Я обхватываю его за шею и прижимаюсь к нему, уже не смущаясь. Константин целует дольше, чем я ожидала, отпускает только затем, чтобы посмотреть мне в лицо.

— Даш… — произносит он, и я снова тянусь к его губам.

В подъезде щёлкает домофон. Мы вынуждены посторониться, пропустить выходящих людей. Я пытаюсь поправить сумку на плече, но Константин придерживает меня за талию. Не уходит. От этого ужасно хочется позвать его наверх.

— Я пока не могу… на ночь, — говорю тихо и тут же краснею. — Ты вообще не спрашивал, а я уже…

Он касается губами моего виска.

— Я тебя провожаю. Всё хорошо.

— Но не хочу, чтобы ты уходил. — Теперь уже мне смешно от самой себя. — Понимаешь, какая я неудобная?

Константин улыбается и снова целует. Я цепляюсь за его рубашку, закрываю глаза. Он мне так нравится. Боже, как же нравится! Отпускать его и подниматься в пустую квартиру совсем не хочется.

— Давай увидимся ещё, — предлагает он, когда я наконец отстраняюсь. — Когда сможешь.

Я обещаю написать завтра. Наверху снимаю туфли и даже свет не успеваю включить: пишу сразу, из прихожей. «Я хочу

ещё». Ответ приходит почти мгновенно: «Я тоже».

Глава 18. Мама, это правда твой голос?

Утром я сначала нащупываю телефон и только потом открываю глаза. Константин уже написал: «Доброе утро, Даш. Как спала?» Я лежу, улыбаясь экрану, вспоминаю, как он целовал меня у подъезда. Можно было бы ещё раз выйти к нему, позвать обратно. Хорошо, что не позвала. Нет, жаль, что не позвала. Сама не знаю.

Отвечаю, что спала мало, но хорошо. Он спрашивает, не по его ли вине. Я пишу «Конечно, по твоей» и, пока жду ответа, замечаю время. Господи, на работу же! Соскакиваю с дивана, собираюсь вдвое быстрее обычного. Серьги надеваю вчерашние.

В издательстве начальница ловит меня возле принтера, отдаёт таблицу, которую я обещала проверить. Сажусь за компьютер, открываю расчёт. Вот здесь автор заменил сантиметры метрами, а ответ остался прежним. Вчера читала три раза и не замечала. Сейчас нахожу, исправляю, сверяю соседние задания.

К обеду приношу начальнице готовую часть. Она листает, задерживается на таблице, и я уже собираюсь объяснить, что поправила.

— Сходится, — говорит она. — Отправляй автору.

Остальное когда?

Я называю срок. Она кивает, возвращает распечатку. Ни одного замечания! Я всё ещё не закончила книгу, но хотя бы эту часть больше не придётся обещать на завтра. Иду обедать с коллегами и даже вмешиваюсь в их спор про обложку.

Кирилл пишет к концу дня: можно ли зайти после тренировки. Отвечаю сразу, предлагаю суп. Сын присылает время и просит не готовить много, потому что потом ещё дома поест. Мне хочется спросить, почему нельзя поесть только у меня. Стираю вопрос и пишу: «Хорошо, приходи».

Он появляется с мокрыми после душа волосами. Сбрасывает сумку, достаёт отвёртку. Я не сразу вспоминаю, зачем принёс, а Кирилл уже идёт к шкафу.

— Подержи дверцу, — просит он. — Не так, чуть повыше.

Я держу, сын подтягивает крепление. Проверяет, открывает и закрывает ещё раз. Теперь ровно. Я благодарю его, а он советует не набивать верхнюю полку, иначе опять перекосит.

— Ещё скажи, куда мне кастрюли ставить, — поддразниваю я.

Кирилл усмехается, оставляет инструмент на столе. На кухне рассказывает про соревнования, показывает фотографию ребят. Я узнаю двоих, спрашиваю про третьего. Пока он объясняет, вижу пропущенный от Павла. Сын сам перезванивает, не уходя из кухни.

— Я у мамы. Потом приду. Да, я говорил.

Ему отвечают так громко, что даже мне слышно: «пока тяжело», «не торопись». Я встаю к плите, хотя суп уже разлит. Не хочу стоять над Кириллом, слушать. Сын вдруг говорит резко:

— Пап, я просто поел! Не надо опять. Со мной всё нормально!

Он отключается и кладёт телефон экраном вниз. Какое-то время ест молча. Я тоже не расспрашиваю, что сказал отец, но всё-таки не выдерживаю:

— Он не хотел, чтобы ты приезжал?

— Он думает, тебе лучше пока одной. — Кирилл поднимает на меня глаза. — А тебе?

— Я тебе предлагала приехать. И очень рада, что пришёл.

— Ну я знаю… — Он мнёт хлебный мякиш. — Если на выходных тренировка поздно закончится, я могу тут остаться? На ночь.

Я начинаю улыбаться прежде, чем успеваю ответить. Кирилл замечает и улыбается тоже. Уже без вчерашнего недоверия.

— Можешь. Скажешь, как решишь, я всё приготовлю.

— Только не начинай с горой еды, — предупреждает он. — Утром завтракать заставишь, потом домой не уйдёшь.

Я обещаю одну кашу, сын морщится так выразительно, что приходится отказываться и от каши. Спорим, что будем смотреть вечером. Я предлагаю старый фильм, он ищет трейлер другого. Смотрим на его телефоне, сдвинувшись плеча-

ми. Надо же, ему действительно хочется провести со мной выходные. Я стараюсь не говорить ничего лишнего, только спрашиваю, нет ли у фильма предыдущей части.

Уходит он с обещанием прислать ссылку. Я закрываю за ним дверь и ещё несколько минут сижу на диване, не начиная уборку. Сегодня получилось. Даже разговор с Павлом не испортил нам вечер.

Константин спрашивает в сообщении, как прошёл день. Я пишу про работу, про сына. Собираюсь рассказать и о выходных, когда звонит Кирилл.

— Мам, а ты правда хочешь, чтобы я с тобой жил?

Я поднимаюсь с дивана. Только что он стоял здесь, разувался, смеялся над моим фильмом. Час не прошёл. Что случилось?

— Конечно, хочу. Кирюш, почему ты спрашиваешь?

— Послушай сейчас, — говорит сын. — Я пришлю. Только послушай.

Он остаётся на линии. Приходит аудиофайл. Я прошу подождать, включаю. Сначала короткий шорох, потом слышу себя — заплаканную, с севшим голосом.

— Я хочу уехать. Я так устала от них обоих. Иногда думаю: может, им станет легче, если меня не будет рядом.

Дальше тишина. Я нажимаю ещё раз, надеясь, что просто не догрузилось. Слова те же, обрыв там же. Нет. Не может он этого слушать. Это вообще не для него!

— Мам? — зовёт Кирилл. — Это твой голос?

— Не слушай! — выпаливаю я. — Нет, подожди… Там дальше было. Я ещё говорила!

— Значит, твой, — глухо отвечает он.

Я уже иду в прихожую, ищу ключи. Сейчас приеду, сяду рядом с ним, заставлю выслушать. Как Павел посмел?! Я же говорила это в кабинете Виктории, одна. Не мужу, не детям. Ей. После ссоры, когда несколько ночей толком не спала и уже не могла понять, как мне с ними разговаривать.

— Кирилл, кто тебе дал? Папа?

— Папа прислал, — отвечает Кирилл. — Только ты ответь, мам! Не начинай опять, откуда, зачем. Ты это говорила?

Он почти кричит, и я останавливаюсь у двери. Ключи нашла, а что ему покажу? У меня нет другой записи. Только собственная память о том, что говорила дальше.

— Говорила, — отвечаю я. — Но я не хотела вас бросить. Я хотела ненадолго уехать, отдохнуть. Кирюш, я сейчас объясню…

— Ты сказала, что устала от нас! — перебивает сын. — Я слышу! А мне сегодня говорила: приезжай, я рада. Как мне понять-то?!

Я закрываю глаза. Он ещё совсем недавно сидел со мной на кухне. Улыбался, когда я согласилась на ночёвку. Теперь, наверное, думает, что я всё это время притворялась.

— Я рада тебе! Неужели ты не видел? Я же ждала…

— А тогда? Почему ты тогда сказала? — Он не даёт мне закончить, потом вдруг выдыхает: — Сначала письмо было.

Потом эта бумага. Теперь запись. И каждый раз вы объясняете, что всё по-другому!

Скотина! Сегодня Кирилл хотел остаться у меня. Неужели Павел этого не мог вынести? Я прикрываю рот, боясь выругаться вслух, — сын всё ещё ждёт ответа.

— Я устала от ссор, — говорю, стараясь не плакать. — От того, что дома всё время ругались. Я не хотела жить без тебя. И Полину не хотела оставлять. Я там дальше сказала…

— А папа говорит, ты давно хотела отдельно.

— Папа много чего говорит! — срываюсь я.

Сын замолкает. Я слышу собственный крик и прикусываю губу. Сейчас начну поливать Павла, а Кириллу останется выбирать, кому из нас верить. Только я уже не знаю, какими словами объяснять. Мои слова он как раз слышал.

— Прости, — выговариваю я. — Я злюсь на папу. Не на тебя. Ты мне нужен, Кирюш. Очень нужен.

Он молчит так долго, что я проверяю, не отключился ли. Нет, на линии. Возвращаю телефон к уху и жду, вжимая ключи в ладонь.

— Я уже думал на выходных остаться, — говорит он наконец. — А теперь… Если ты на самом деле не хочешь? Или хочешь, чтобы папа не выиграл?

— При чём тут выиграл?! — Я опять повышаю голос, не могу удержаться. — Ты мой сын! Я не из-за папы тебя зову!

— Тогда почему он должен мне это показывать? — Кирилл тоже срывается. — Зачем вы вообще мне всё это шлё-

те?!

Я опускаюсь на диван, вытираю слёзы рукавом. Неужели Павлу не стало жаль его, когда давал слушать? Я бы сейчас отдала что угодно, только бы Кирилл перестал сомневаться во мне.

— Я же не вам это говорила! — вырывается у меня. — Я к ней пришла за помощью. Не думала… Господи, Кирюш, если бы я знала, что ты будешь слушать!

— Папа сказал, что в суде тоже можно показать. Ты же сама хотела уехать.

Я смотрю на присланный файл. Значит, уже и суд с ним обсуждает. Ему мало нашей ссоры, теперь сын должен ещё представлять, как мой голос будут слушать чужие люди. Не знаю, говорил ли Павел об этом со своим адвокатом. С Кириллом уже поговорил.

— Я пока не останусь, мам, — произносит сын. — Не хочу. Ты тогда ушла к Жанне, потом квартиру сняла. Может, тебе и правда так лучше.

— Мне с тобой хорошо. Сегодня было хорошо. Ты же помнишь?

Он тихо выдыхает. Я понимаю, что ещё немного — и положит трубку. Перестаю уговаривать, хотя так хочется снова услышать его сегодняшнее «на ночь». Передо мной отвёртка, которую он забыл забрать. Мы вместе чинили шкаф. Это ведь тоже было сегодня.

— Мам, ты ведь правда тогда хотела, чтобы мы с папой

жили без тебя?

Глава 19. Мама, я хотела уехать ненадолго

— Ненадолго, Кирилл! На несколько дней! — отвечаю я, боясь, что он сейчас отключится. — Выспаться, перестать со всеми ругаться. А потом вернуться. Я не собиралась вас бросать!

Он молчит. Я убираю ключи, тянусь за салфеткой, но не нахожу и вытираю лицо рукавом. Только бы не положил трубку. Только бы дал ещё поговорить.

— Я помню тот день, — продолжаю я. — Мы сильно поссорились. Ты пришёл поздно, я кричала, папа вмешался. Потом ещё с ним ругались. Я у Виктории всё это рассказывала

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.